

ОЛЬГА НИКОЛАЕВА

18+

НЕ БЕСИ

меня!

Ольга Николаева

Не беси меня!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67724271

SelfPub; 2022

Аннотация

Владислав Хмелевский – мажор, который испортил мне жизнь еще в универе.

Тогда я молча страдала и ждала, когда же закончатся несчастные пять лет учебы.

Избавилась. Отболела. Отошла. Моя жизнь наладилась.

А теперь он снова перешел мне дорогу, там, где его никто и никогда не ждал.

Но в этот раз я терпеть не буду. Поэтому я объявляю войну.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Растоптана, но не сломлена. 7 лет назад	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	52
Глава 7	57
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	81
Глава 11	87
Глава 12	94
Глава 13	102
Глава 14	111
Глава 15	117
Глава 16	123
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Ольга Николаева

Не беси меня!

Пролог

– Ненавижу! – Горячим плевком сорвалось с языка, с шипением разнеслось по пространству. Кричать нельзя, а хочется. Приходится шепотом ругаться.

– Не-на-ви-жу! – Цокотом, в ритм каблукам, стучащим по офисной плитке. В мыслях, конечно же, в мыслях.

– Ненавижу... – змеиным шипением, чтобы заглушить сдавленные смешки окружающих, что доносятся вслед. Кажется, мне, конечно же, все это только кажется...

– Ненавижу, ненавижу... – я ненавижу эти презрительные взгляды, которые меня провожают. Я ненавижу ненавидеть, но ничего не могу с этим сделать сейчас.

– Я ненавижу тебя, Владислав Хмелевский! Какого хрена ты вечно портишь мне жизнь? – крикнула, распахнув дверь его новенького кабинета. Даже не думая, чтобы стучать и спрашивать,

– Надежда... Владимировна... Что случилось? – Вот. И опять испортил. Надо же, не успел занять место, которое должно моим быть, а уже совещание с утра собрал. Как последняя идиотка, опозорилась.

– Ничего хорошего! – Помирать – так с музыкой. – Для тебя, Хмелевский...

Прошипела последнюю фразу максимально зловеще и захлопнула дверь. С той же стороны, откуда и открывала. Развернулась и почесала назад. Нет, желание скандалить никуда не пропало. Но там – люди, их наши разборки с Хмелём не касаются. Потом разберемся. Никуда он от меня не денется. А от ненависти моей – и подавно.

Часть 1. Растоптана, но не сломлена. 7 лет назад

Глава 1

– Надь, вот скажи, как у тебя это получается? Что пьешь? Седативное что-то? Или препараты посерьезнее? – Подруга Аня все никак не могла уговорить. Прямо подпрыгивала на ходу, то обгоняя меня и заглядывая в лицо, то притормаживая и дергая за рукав. Я поражалась, как это ей удается: коридор универа был похож на МКАД вечером в пятницу, трафик безумный и пробки нескончаемые, это студенты неслись в столовую, как стадо бизонов на водопой. А мы с Малининой буравили этот поток по встречной. Нам в столовую было не надо. Мы оттуда валили на крейсерской скорости. И вот Анька умудрилась идти спиной назад, вклиниваясь в поток молодых жеребцов и лошадушек, при этом ни разу не запнулась.

– Ань. Я за тебя переживаю. Не мельтеши ты так. – Поймала ее за руку, оттянула к окну. – Сейчас перемена закончится, тогда и пойдем спокойно.

– А как же... – Она подозрительно прищурилась... Ахнула, осознавая... – Ты что, решила прогулять эконометрику,

что ли?

– Да. А что такого? Подумаешь, всего разок и погуляем...

– Он же в свою специальную тетрабочку записывает всех, кто пропускал занятия... – «Он» – это препод, которого ненавидели и боялись все студенты нашего факультета, начиная от третьего курса и далее. Мы были на четвертом, и наши мучения с эконометрикой только начинались.

– У него есть еще одна тетрабочка, в которой отмечены студенты с самыми лучшими работами на семинарах и контрольных. Тем идет зачет автоматом. И мы с тобой в эту тетрабочку уже попали. Так что, успокойся, Малинина, и сходим хоть по пирожку на улице сожрем.

– Ффффуу! Надя! В тебе заговорила провинция! – Жеманно сморщив носов и глупо выпучивая глаза, она передразнила нашего главного врага – Любезникову Жанну. От ее пылкой невыносимой глупости мы сейчас и бежали.

– Ань, я, действительно, не есть хочу, а жрать. Слона бы умяла, не пережевывая...

Собственно, причина моего голода и заключалась в Любезниковой. Это она, будто нечаянно, зацепила своей сумкой мой контейнер с едой. Я только его разогрела и приготовилась то ли позавтракать, то ли пообедать. Иначе – никак, не с моей работой, плавно переходящей в учебу. Только собранный со вчерашнего дня лоток, только хардкор... А эта фифа напомаженная оставила меня без еды. Еще и нос двумя пальчиками зажала. Будто запах разогретых сосисок и

быстрорастворимой лапши – худшее, что она в своей жизни встречала.

– Надо было козе этой драной двинуть, как следует! Чтобы больше чужой едой не разбрасывалась! – Анька, стоило коснуться этой темы, снова завелась.

– Вот еще. Руки пачкать? Оно мне надо, Анют? – Желудок заурчал предательски, напоминая, что гордость – это хорошо, но материальное в нашей жизни пока что еще никуда не делось.

– И вот как ты могла спустить это все, ничего ей в ответ не сделав? – Я еле удержала подругу, чтобы та не вцепилась в волосы главной красавице нашего курса. Да что там, Любезникова метила на «Мисс Университет», не меньше. Не все соглашались, конечно, что нарощенные сивые пакли – это билет на подиум, но Жанке было, как всегда, начхать, на чужое мнение.

– А что я должна ей сделать? Мозги добавлять – так это, прости, из области магии. А я колдовских навыков не имею... – Развела руками, показывая, что и не против бы бедолаге помочь, да вот только не знаю, чем.

– Нет. Я. Не. Понимаю, Надь! Она же тебя оскорбила при-
родно! Как можно на это промолчать, а? – Малинина – девушка добрая, но крайне заводная. Особенно там, где ей кажется, что проявилась хоть капелька несправедливости. А «провинция» – для нее как красная тряпка для быка. Мы же с ней, вообще-то, из одинаковой провинции и явились.

– Счита́й, что у меня просто стойкий иммунитет на придурков.

– Ну, как так, а? Расскажи, где взять-то его? Может, какую прививку сделать?

Этот разговор был не первым и не последним, явно. Каждый раз, когда меня кто-нибудь цеплял, а я никак не реагировала, Малинина поражалась. И я уже просто прекратила объяснять, что имея в наличии старшего брата, который издевался над тобой все детство, других придурков просто перестаешь замечать. Просто эти придурки – посторонние, цепляют тебя случайно, и совсем не знают о настоящих больных местах. Поэтому задевают лишь по касательной. Им бы у братишки поучиться, вот он смог бы преподать настоящий мастер класс, как довести Игнатьеву Надю до настоящей белочки. Правда, и с ним я научилась бороться: игнор. Просто делаешь вид, что тебе параллельно на его слова. А еще лучше – соглашаешься. Толстая безмозглая корова? Да. И что? И ничего. Не интересно сразу. А если тебя обвиняют в провинциальности, так тут и притворяться не надо. Если правду в лицо говорят, смысл отрещиваться?

– Анют, ты все равно не поймешь долгий ход моей философской мысли. Реально. Просто считай, что я слишком флегматична и чересчур устала, чтобы тратить силы на каких-то Жанн...

– О! Смотри! – Малинина где-то в детстве застряла. Во всяком случае, ее талант переключаться с темы на тему

слишком напоминал мне трехлетнего племянника. Тот, абсолютно так же, как и Аня, умел задавать вопрос и забывать о нем, еще не дождавшись ответа. – Хмель-то, похоже, тоже решил прогулять!

Анька заворуженно уставилась на проходящую мимо компанию из местных заводил-лоботрясов. Ну, как лоботрясов... Хмелевский, например, при всем своем раздолбайстве, умудрялся почти по всем предметам получить автомат. А на экзаменах никогда ни на что не соглашался, ниже пятерки. Даже если всем казалось, что в этот раз его безнадежно завалят, и лучше бы молча принял твердую четверку, он мог часами разговаривать с преподам, но свое «отлично» получал. Впрочем, это единственное, за что я его уважала. И, никогда и никому не признаюсь, кроме себя: тихо завидовала. Потому, что он реально знал намного больше, чем я. Лучшая гимназия в городе с математическим уклоном, а еще – масса репетиторов и дополнительных курсов, аналитический склад ума, хорошо подвешенный язык – преимущества на старте, которых у меня никогда не было. Все, чем Влад Хмелевский пользовался и, порой, злоупотреблял с самого первого курса, мне доставалось только сейчас. И то не всегда: не хватало ни сил, ни времени, чтобы просиживать в библиотеке или интернете и находить сведения, которые уже давно и прочно сидели в голове у этого парня. А порой мне казалось, что догонять его – труд напрасный и бессмысленный. В конце концов, надо уметь признавать, что рядом

может быть кто-то, на порядок умнее и успешнее. Это очень трудно, когда в своей родной школе ты была звездой номер раз, гордостью, надеждой и оплотом всех учителей, привыкла быть самой-самой... А тут – хренакс! И оказалась смешанной с обычной серой массой. Таких гордостей и надежд у нас – минимум пол-курса. Остальные пятьдесят процентов: не надежда и не гордость, но школы такие окончили, что первые два года в универе просто скучали и не понимали, что они здесь делают.

Я привыкла к тому, что среди однокурсников очень сложно выделиться, опираясь только на мозги, а больше ничем, необходимым для этого, не обладала. Ни внешности яркой, ни машины, ни свободной хаты, где можно устраивать вечеринки, в запасе не имела. Было сложно свыкнуться с ощущением, что все люди вокруг смотрят будто бы сквозь тебя... А потом, неожиданно, стало как-то параллельно на это. Другие проблемы имелись, более значительные.

– Алло! Прием! Надя! Ты куда провалилась? Я с тобой, вообще-то, еще разговариваю... – Анька выдернула из грустных мыслей. Вот засада-то. Сначала Любезникова, потом Хмель на глаза попался... Они сегодня сговорились, что ли, навевать на меня мрачные настроения?

– Знаешь, мне, наверное, надо поесть и идти спать в общагу. – Вот она, причина моей грусти: есть хочу и не выпалась. А все остальное – так, ерунда. Мелкие раздражители...

– А ты, вообще, спала сегодня на смене? Или опять не вы-

шло ни черта? – Веселье подружки резко сменилось на беспокойство. Вот же человек: вроде бы, и не настолько она мне близка, просто приехали из одного города, а потому и поселили нас вместе, а ведь искренне переживает, беспокоится... Только вот, мне от этого лишь одно неудобство душевное.

– Нет. Вроде бы, четверг. Обычно спокойно в будние дни, а тут все будто сговорились – перли один за другим. – Когда-то подработка в магазинчике на АЗС казалась мне идеальным решением всех финансовых проблем. Заправка была тихая и спокойная, стояла на отшибе. Я умудрялась и денег заработать, и позаниматься в перерывах между клиентами, а иногда и поспать несколько часов. Благо, девчонки-операторы, отпускающие горючее, меня жалели и просто насильно выталкивали в подсобку, вызывали только, если кому-то что-то действительно нужно было купить.

– Что-то у тебя все чаще такие дни случаются, Надь... – Мы уже подошли к небольшой заводской столовой, где кормили не хуже, чем у нас в универе, а ценник был на порядок ниже. Не знаю, кому пришло в голову наживаться на студентах, но у нас я могла купить только чай и булочку, а лучше – свое принести, а вот заводское заведение позволяло съесть целый комплексный обед и не разориться. – Тебе что взять? Как обычно?

– Так я сама возьму.

– Сиди. Вон, уже пошатываться начинаешь. Только, главное, не засни, пока я еду не принесу. Так что, твой любимый

борщ и пюре с котлеткой?

– Ага. Деньги возьми...

– Ты мне в прошлый раз покупала, теперь моя очередь. – У Ани ситуация с финансами была получше моей, да и родственники в городе часто приглашали к себе с ночевкой, и периодически она пыталась меня подкармливать. Правда, безуспешно: я всегда контролировала, чтобы баланс между нашими «угощениями» никогда не превращался в долг перед подругой.

– Вот бы прикольно было, правда, если бы Хмель тоже сюда зашел, вместе бы прогуляли пару? – Малинина, порой, меня просто сводила с ума и своей простотой, позволяющей выпаливать вслух мечты, не думая, как они выглядят, и своими «необычными» мечтами. Сейчас она с аппетитом уплетала макароны по-флотски, прихлебывала компот и оживленно вербализировала все, что в ее блондинистую голову залетает. Благо, что и вылетало у нее все с такой же космической скоростью. В сухом остатке оставалась вполне себе практичная и толковая девчонка. Просто с очень сильно играющим детством в заднице.

– Во-первых, он даже в районе этом никогда в жизни не появится. Что ему делать среди заводов? – Борщ оказался горячим и наваристым, котлеты – почти похожими на мясо, мой организм, наконец, получил свою порцию еды, и теперь подумывал о том, чтобы вырубиться. Прямо здесь, в столовой. Поэтому улавливать бешеный поток мыслей, извергае-

мый Аней, мне уже было почти не под силу. Приходилось уточнять и спрашивать. – А во-вторых, зачем он тебе здесь нужен? Смотреть с отвращением на твои макароны, чтобы у тебя аппетит вперед на неделю отбило?

– Ты что... Надь, ты никогда у меня замуж так не выйдешь. Вот гарантирую! – Прямо в мой глаз уставились четыре зуба алюминиевой вилки, все – погнутые, и каждый – в свою собственную сторону. Пришлось отшатнуться немного. Показать, что я как будто испугалась.

– Вообще не вижу никакой причинно-следственной связи. Между мной, моим замужеством, заводом и макаронами.

– Игнатьева! Ты когда научишься мужиков замечать, а еще важнее – делать так, чтобы они тебя заметили, а? Хмелевский – самый классный парень в универе! Все вокруг мечтают хоть пару дней с ним рядом побыть... А ты спрашиваешь, зачем мне это надо ... – противным голосом передразнила меня.

– А он что, снимает венец безбрачия наложением рук? – Прекрасно я все понимала. И то, что Влад – реально интересный человек, по всем параметрам, и то, что его мозг и внешность находятся в идеальной пропорции и равновесии. Ну, как, в идеальной... Из таких, как он, идеальные моральные уроды и получаются...

– Ты издеваешься надо мной?

– Ань, ты разве не понимаешь, что красивые мужики – это опасно? А если они еще и умные, то совсем беда. Хотя...

Красивый дурак – это что-то невероятно страшное... В общем, не знаю я, что хуже для красивого: быть умным или не очень. – Запуталась в своих размышлениях, психанула, от того, что не люблю, когда начатую мысль не могу закончить... – Пойдем лучше домой, пока ноги еще передвигаются. А то на себе меня потащишь.

Глава 2

– Привет! Как жизнь? – До отвращения бодрый и веселый мужской голос ворвался в мои размышления. Недоумевающее приоткрыла оба глаза и осмотрела все задние ряды в аудитории. Нет. Не ошиблась. Они все так же пустовали, как и пару минут назад. Так какого, простите... черта, кому-то потребовалось приземлить свою задницу на моей скамье? Ну, не совсем моей, конечно... Все же, я надеялась, что первую пару философии мне удастся немного подремать. Анька обещала конспекты писать внятными почерком, чтобы я потом могла разобраться. И это не эксплуатация неработающих студентов. Я ей, между прочим, все контрольные по микроэкономике решала.

– Надь, как жизнь, говорю? – Ну, надо же, этот настырный кто-то не захотел понимать, почему я пытаюсь слиться с мебелью. Пришлось опять открывать оба глаза и внимательно смотреть на вопрошающего.

– Хорошо... была... совсем недавно... – Да, не гостеприимна. Да, не дружелюбна. И вообще, гримза злая. Но его и не звал сюда никто. Вон, сколько мест вокруг свободных. И не очень свободных, если очень сильно поболтать надо...

– Да брось ты! Выспимся все на том свете! – Смутно знакомая блондинистая рожа продолжала чему-то радостно скалиться. Точно! Этот ... бессовестный человек постоян-

но ошивается рядом с Хмелевским. Этакий представитель местной элиты. Правда, кроме Хмеля, я в их компании никого по именам не знала, да и хотелось – не очень-то. Особенно теперь.

– А куда ты всех своих дружков подевал? Зачем ко мне приперся?

– Ты всегда такая? – парень, явно, такой встречи не ожидал. Радостная улыбка слегка померкла. Но, стоит отдать ему должное: продолжал делать вид, что ему до ужаса приятно меня видеть.

– Какая? Не трачу время на лишние ужимки, а сразу в лоб спрашиваю, чего от меня надобно? – Вообще-то, конечно, я вполне себе воспитанный человек, и выбралась не из такой глухой деревни, где о социальных нормах и обычной вежливости не слыхали. Просто сон – это самая главная ценность в моей жизни, и самая недостижимая. И все, кто мешает мне им насладиться, автоматом переходят в разряд врагов.

– Ну, да... Как-то непривычно, знаешь...

– Считай, что мы просто монтаж сделали. Вырезали все лишние ужимки и ухмылки, положенные приличиями. И сразу перешли к содержанию разговора. Так вот. Чего тебе надобно? – Сон окончательно прошел, и теперь уже одолевало любопытство. Как правило, большинство желающих поболтать отваливало после первой же порции хамства с моей стороны. А тут, понимаешь ли, какой настырный нашелся... То ли у него дело такое важное ко мне, то ли просто имму-

нитет... Почти как у меня...

– А тебе не приходит в голову, что мне может быть просто интересно поговорить с тобой?

– Нет. Не приходит. А должно?

Парень, наконец-то, стушевался. Я должна была, видимо, расплыться в улыбке и потерять остатки мозгов, от того, что Мажор по имени Великолепный ко мне приблизился. А я даже имени не помню, потому он и Мажор.

– Ладно. Проехали. Ты почему в КВН не играешь? – Не знаю, это он меня так решил сбить с толку, или, действительно, КВН и стал истинной причиной, чтобы меня беспокоить, но теперь пришла моя очередь потеряться.

– Повторю вопрос: а должна?

– Конечно. У нас первенство города скоро. Пора уже домашку готовить и музыкалку.

– Ага... – Вот прямо сделал меня парень. Обычно, я людей в ступор ввожу, когда настроение требует крови и жертв, а тут Вселенная прислала мне обраточку...

– Ну, так что, придешь сегодня на репетицию? – Видимо, мое «ага» было принято как полное и абсолютное согласие. Это слово, оно такое, очень удобное: как хочешь, так и понимай. А если понял не правильно, так это просто слух не очень музыкальный, интонацию неверно уловил.

– Ага. – От растерянности вообще растеряла свой словарный запас, а ведь раньше гордилась его богатством... Нет, ну, правда, где я, и где – КВН? Смотреть программу эту обо-

жаю. Могу сходить поболеть за команду. Но какое отношение ко мне имеет музыкалка и домашка?

– В семь вечера в актовом зале собираемся. Дай мне свой телефон, я тебя в группу в ватсаппе добавлю.

– Зачем? – а сама уже, не понятно зачем, трубку ему в руки передала. Он же, явно, просил мой номер, а не сам телефон. Все, пора завязывать с ночными сменами семь на семь. Целую неделю без сна потом никак и ничем не компенсируешь...

А парень уже набрал свой номер с моей трубки, потом нажал отбой. Еще зачем-то потыкал на кнопки... И, довольно улыбаясь, вернул мне обманным путем добытое имущество. На экране большими буквами светилось «Вова». Ну, слава богу, хоть знать буду, как этого смелого зовут.

– Ну, тогда и фамилию пиши. Чтобы ни с кем не перепутала. – Бравлада чистой воды. Нет у меня в списке контактов никаких других Вов. Но не стану же я теперь признаваться, что понятия не имею, как собеседника зовут.

– А ты не знаешь? – Изумление на лице, слегка замешанное с обидой...

– А должна?

– Черт! Я запомню. Хороший прием. – Теперь уже почти восхищенно. Но фамилию, все же, добавил, телефон ко мне подтолкнул.

– О чем ты?

– На каждый неудобный вопрос отвечать фразой «а долж-

на?»». Мне понравилось. Не знаешь даже, что и ответить.

– Что думаешь, то и отвечай. Я спрашивала потому, что интересно. А не чтобы ты от меня отстал.

– А вдруг обидишься?

– А должна? – Сама себя поймала на этой фразе и, неожиданно, улыбнулась. Потому, что Вова, чью фамилию в телефоне я еще не успела прочитать, тоже улыбался. Как-то очень легко и светло.

– Ну, так что, придешь на репетицию сегодня?

– Да я никогда не играла, если честно...

– Так! На задней парте! Еще хоть звук услышу – вылетите отсюда, и до самой сессии не вернетесь! – грозный оклик преподавателя заставил заткнуться и пригнуть головы над самой партой.

Вова попытался пообщаться со мной через мессенджер, но я честно призналась, что поспать планировала, попросила, чтобы не мешал. Парень ухмыльнулся, подмигнул и написал, что разбудит в случае опасности.

Глава 3

– Да ты че?! Реально? Вот прямо так, просто, сказал на репетицию приходить?! Ого! – у Ани глаза как расширились до размеров хорошего чайного блюдца, так и не хотели в нормальное состояние приходить. Соседка металась по комнате, то присаживалась на кровать, то снова вскакивала, то пыталась составить книги на столе поаккуратнее, то бросала это гиблое занятие, ведь они тут же валялись на бок. – Ты понимаешь, Надь, вообще, что тебя к элите причислили?

– Ань, я чай заварила, сахар насыпала. Садись, пожалуйста, попей, пока горячий. – У меня от недосыпа жутко болела голова, и я ее лечила проверенным лекарством – сладостями, раз уж со сном никак не складывалось. – Какая элита, я тебя умоляю? Главные клоуны универа, я так считаю.

– Вот это очень зря, моя дорогая! Чтобы в нашу команду попасть, нужно очень сильно постараться! Знаешь, сколько людей пыталось пробиться туда? Люди в театрах играли, пока учились в школе, сценарии писали, танцевали в группах... А фиг – не подошли! – Малинина, хоть и волновалась, а запах свежих плюшек не могла упустить. Присела за стол со мной рядом.

– Ну, ты ж понимаешь, что все школьные достижения остались в школе. А здесь – для всех из нас начался новый, нулевой отсчет. Поэтому, кем бы они ни были дома, и чем

бы ни гордились, эти твои таланты, здесь они оказались не ко двору. – Мне ли не знать об этом. Сама такая же, гордая, была... Сейчас научилась понимать, что новым людям нужно снова доказывать, кто ты есть на самом деле. Если тебе это очень надо, конечно. Мне, отчего-то, заниматься доказательствами не хотелось. Других забот хватало.

– И что, ты не пойдешь туда, что ли? – Анька опять почти подпрыгнула. Теперь уже от возмущения. Чуть не поперхнулась горячим напитком.

– А что мне там делать-то, скажи, дорогая? Я не хочу, чтобы надо мною смеялись. Даже если это будет в самой элитной компании клоунов.

– Блин. Надя! Вот вечно ты думаешь о себе одной!

– А о ком еще я должна думать?

– Например, о лучшей подруге, делящей с тобой кров, стол, а так же и радости, и горести! – Она продекламировала фразу так торжественно, что я и не поняла толком, где закончилась шутка, а где она реально решила, что мы теперь лучшие подруги... Все-таки, лучшие по другим параметрам определяются... Озвучивать не стала, конечно же, свои раздумия. Зачем человека обижать, если нам с ним жить еще пару лет, как минимум, в одной комнате?

– А что именно я должна подумать о тебе? Не подскажешь? – Уловила тень обиды на ее лице. – Ань, ты, правда, не обижайся. Очень торможу от усталости. Расшифруй, что от меня требуется...

– Ты сегодня идешь на КВН!

– А причем здесь ты?

– А меня возьмешь с собой! За компанию!

– Ну... Ладно... Только мне спросить бы надо...

– Надя! Ты что, издеваешься? Кто в таких вещах разрешения спрашивает? Даже если нас выгонят, будем знать, что хотя бы пытались.

– Ты пойдешь со мной, чтобы быть изгнанной оттуда? Еще и я для этого должна тащиться? В чем прелесть?

– В том, что, может быть, нам обеим разрешат остаться!

В глазах подруги стояла такая мольба, а с нею – такая вера в меня и надежда, что отказывать дальше у меня не осталось сил.

– Я не понимаю твою логику, но, так и быть, пойдём. Только при условии...

– Что угодно, Наденька! – Лицо подруги засияло, сама она еле держалась на одном месте. – Что хочешь, проси!

– Чур, я сплю до половины седьмого! А ты ведешь себя так, чтобы даже шороха не было слышно. Разбудишь раньше – никуда не пойдём. И даже не вспомню больше никогда о том, что какой-то КВН в нашем универе существует.

Не знаю, чем подругу так манила возможность попасть в этот кружок балагуриющих бездельников, но она того хотела очень сильно. Во всяком случае, целых два с половиной часа я ее не слышала и не видела. Аня просто ушла к девчонкам в соседнюю комнату. Жаль, что не всегда у меня бывают та-

кие козыри в рукавах. А то, глядишь, проблема со сном не стояла бы так остро: Аня слишком часто мешала мне своей нескончаемой веселой трескотней.

Правда, и на этот раз мне не очень повезло, хоть Анька и свинтила на время. Телефон затрещал, слишком громко вибрируя, чтобы я его не могла услышать.

На экране светилось «Вова Зацепин». Очень какой-то настойчивый Вова. Другой бы уже устал звонить и сбросил, пока я недоуменно рассматривала сочетание имени и фамилии и пыталась вспомнить, кто это, и что он делает в моем списке контактов. На ум не приходило ничего достойного, неумолимый абонент продолжал добиваться моего ответа. Любопытство в этот раз взяло верх над ленью, пришлось нажать на зеленую трубочку:

– Привет! Я тебя не очень отвлекаю? – Радостный баритон, наконец-то, навел меня на мысль, кто же им обладает. Приставучий однокурсник с философии, вот кто.

– А ты не в курсе, что если человек долго не отвечает, то продолжать названивать просто неприлично?

– Нееееет... Не знал... А что, правда, есть такое правило? – Даже жалко стало, как парень расстроился и удивился, судя по голосу...

– Нет. Я только что сочинила.

– Вот! Я знал, что ты нам точно понадобишься! – Боже. Еще один малохольный на мою голову.

– Испытывать на мне тупые шутки будете? Смогу удер-

жаться от слез или нет?

– Вот еще! Будешь их нам сочинять, конечно же!

– А ты сегодня что-то курил запрещенное, да? Все из-за этого? – Осенившая меня догадка могла бы очень многое объяснить.

– Нет. Я сейчас за тобой заеду и по дороге все объясню. Тогда вопросов у тебя не будет, точно.

– Куда заедешь и зачем?

– В общагу нашу, универовскую. Ты же там живешь, я ничего не путаю?

– Не путаешь. Здесь пять минут неспешного хода. Зачем и куда собираешься меня везти?

– Ну... – мой отпор, видимо, слегка его озадачил. Не придумал парень объяснений для всех своих идей неудачных. – Значит, пешком с тобой пройдемся. И обсудим все на свежем воздухе. Мы ведь можем с тобой прогуляться?

Меня впервые клеили вот так незатейливо и, в то же время, неожиданно. Что тут врать? Уже и не помню, когда вообще клеили. Слишком я занята была и слишком замучена, чтобы даже обращать на попытки внимание. А вот здесь, поди ж ты, заметила... Хотела сразу нафиг послать, расставив все точки над «и»... Но вспомнила, как горели глаза у Ани... Решила, что ради счастья подруги, хотя бы и мимолетного, могу разок и потерпеть. В конце концов, не так уж и противен этот парень...

Глава 4

– Привет еще раз! – радостное лицо Владимира, который дежурил прямо под дверью общаги, несколько удивило. И начало сильно раздражать. В конце концов, как можно быть таким постоянно довольным? Я вот, например, с большим трудом себя выдрала из кровати, где пыталась хоть немного подремать, уже после его звонка.

– Ты сегодня не устал здороваться уже? – охладила его пыл мрачным видом и недовольным тоном. В конце концов, если хочет клеить, то пусть постарается. И вообще, лучше сразу взвесил бы все «за» и «против», и отказался от этой идеи, пока не поздно.

– Нет! С тобой готов хоть сто раз на дню! – Ты ж посмотри, какой непробиваемый оказался: сделал вид, что я его ни-сколечко не обидела и не зацепила.

– Со мной не надо, а с Аней, вот, поздоровайся. – Подтащила подругу за рукав к себе поближе, пред ясные очи нашего проводника в «волшебный мир КВН». – Это Аня Ма-линина, это – Вова Зацепин. Будьте знакомы.

– Очень приятно. – Оба пробормотали дежурную фразу почти хором. И так же синхронно уставились на меня.

– Аня тоже будет со мной участвовать в команде.

– А... – что-то, похоже, пошло не так в плане Вовы. Слишком обескураженное у него было лицо.

– Ага. Без нее – никаких репетиций и игр. Я только ради нее, собственно, и согласилась на эту авантюру.

– Ребят, давайте, отойдем с прохода. А то загородили всю дверь, людям зайти в общагу мешаем... – Анька, лиса такая, почувствовала, что я сейчас попру на рожон, и вся ее затея может очень быстро закончиться, так и не начавшись, поэтому включила свой дар дипломата и отвлекла нас обоих.

–Ну, да. Нам уже давно пора двигаться, а то опоздаем. – Владимир сделал вид, что его все устраивает, и никакие помехи в виде Ани никак не смогут расстроить его планы.

А Аня, которая, вообще-то, не планировала никому мешать, быстро поняла, что происходит, но притворилась глухой, слепой и вялоплетущейся тенью. Отстала от нас, якобы в телефон уперлась, но, я готова отдать обе почки в залог, что она всю дорогу пыталась услышать и разобрать каждый звук нашего с Вовой разговора. Благо, мне скрывать от нее было нечего. Так же, как не о чем и общаться с этим своим новым ухажером. Парнишка изо всех сил старался, но беседа выходила скучной и вялой. И не потому, что Зацепин был плохим собеседником или человеком неприятным... Просто не люблю, когда мужчины не могут прямо в лицо сказать, что ты им нравишься, и пригласить на свидание. Вот и получается, что вместо милой и уютной встречи на двоих, приходится тащиться куда-то, где будет толпа неприятных мне людей, занимающихся тем, что мне самой плохо удастся.

– Народ, знакомьтесь! Это Надя Игнатьева! Я вам гово-

рил, что она придет сегодня, и Аня – ее подруга! – Удивительно, однако, что довольный возглас Зацепина был встречен радостным гулом. Почти все, кто находился в актовом зале, а это была большая и весьма разношерстная компания молодежи, обернулись в нашу сторону и улыбались. Так, словно мы с Малининой – их долгожданное спасение от какой-то страшной беды.

Кого-то из этих людей я знала лично, с кем-то часто сталкивалась в коридорах универа, и поэтому их лица были знакомы, а некоторые люди показались мне вообще посторонними, и точно не из наших. Ощущала себя не очень-то уютно, в отличие от Аньки, которая радостно бросилась налаживать и восстанавливать знакомства.

– Вов... – дернула парня за рукав. – А зачем ты нас притащил сюда, и отчего такое счастье на лицах?

– А что, люди не могут вам радоваться, Надь? Откуда такая подозрительность?

– Оттуда. Я ни петь, ни танцевать, ни стихи декламировать не умею. Между прочим, вообще страдаю боязнью публичных выступлений. Для меня аудитория больше, чем из трех человек – сродни расстрелу.

– Серьезно? – парень озадаченно почесал затылок. – А что ты мне сразу-то не сказала? Я бы не тащил тебя сюда... Черт! Хочешь, уйдем отсюда, Надь?

– Если бы не Аня, то я бы просто не явилась. А теперь я не могу бросить здесь подругу и сбежать...

На самом деле, Малинина замечательно и без меня бы справилась. Но мне просто не хотелось уже в какой раз поступать не по своему желанию, а так, как захочется этому белобрысому товарищу из компании мажоров. Отчего-то, Вова начал меня раздражать своей простотой по отношению к другим людям.

– Черт! Получается, что ты будешь мучиться из-за меня, и ради подруги... Но это ж я тебя сюда втянул... – А парень, вроде бы, искренне расстроился. Только не пойму, почему. То ли потому, что я не из-за него сюда притащилась, а из-за подруги. То ли, действительно, мои мнимые мучения так сильно ударили по сердцу.

– Хм... И что вы, собственно, умеете делать, дамы? – Неприятный голос из-за спины. Такой, от которого сразу хочется губы поджать и протереть руки. Напрягает интонация и заставляет постоянно держаться наготове – вечно ждать какой-нибудь гадости.

– Собственно, ничего не умеем. – Развернулась, чтобы глянуть прямо в глаза любопытствующему. Вот чуяло мое сердце, что этот серпентарий только на вид радостный и дружелюбный, а в самом его центре найдется пара-тройка гадин. Вот уже первая и вылезла.

– И зачем, в таком случае, вы здесь находитесь? – Хмель, собственной персоной, лениво меня разглядывал, небрежно засунув руки в карманы джинсов на низкой посадке. Я должна была смутиться, по его задумке. Или, на худой конец, по-

просить прощения... Но... Не судьба, как говорится.

– Делаю одолжение. – И старательно отзеркалила его позу. Жаль, что выражение лица не смогла. Ну, не умею я настолько качественно косить под заносчивого козла, которым Хмель, по сути, и является.

Бровь мажора дернулась вверх, потом вернулась на свое место. Для него, похоже, дело чести – показать, насколько ничтожна моя персона, что даже удивления его не заслужила. Но я-то уже увидела, что парень слегка растерялся. Поставила себе лишний плюстик в своей необъявленной войне с Хмелевским, и тоже сделала рожу кирпичом.

– Не понял? – Зубочистка, которую он жевал, лениво передвинулась из правого уголка рта в левый. Больше на лице Хмеля ничего не изменилось.

– Сочувствую. – Какое-то злорадное удовольствие во мне проснулось. Очень приятно ставить на место таких вот заносчивых неприятных типчиков.

– Влад, чего ты к девушке пристал? – Это Вова, будь он неладен, зачем-то поспешил лишить меня радости и прекратил едва начавшуюся перепалку. – Это я ее пригласил на репетицию.

Будто бы пытаясь меня защитить от нападков, этот смельчак бодро положил на мою талию руку. Даже, кажется, к себе прижал... Совсем незаметно, однако, я такие вещи быстро просекаю. Так же, будто бы незаметно, отодвинулась. Но руку не стала снимать: зачем унижать человека перед прия-

телем? В отличие от Хмелевского, Зацепин еще ничего настолько плохого мне не сделал.

– А ты у нас теперь будешь пользоваться положением, и всех новых телок клеить, таская сюда?

– Слышь, Хмель, мы друзья, но ты поаккуратнее в выражениях...

– Вов, а правда, зачем ты меня сюда привел? – теперь уже и мне любопытно стало.

– Я думаю, из тебя выйдет классный редактор.

– Что? Кто? – здесь мы с Хмелевским были солидарны в изумлении. Даже вопрос хором задали.

– Что, кто, – передразнил нас Зацепин, наслаждаясь произведенным эффектом. – У нас половина шуток не проходит, потому что нам смешно, а больше никто их не понимает. А Надя... В общем, на ней можно точно опробовать весь бред, что мы здесь сочиняем.

Я смотрела на парня, пытаюсь понять, как сразу не разглядела в нем черты клинического идиота... Хмель, видимо, об этих чертах уже давно знал, просто удивлялся, как многогранно они выражаются, потому как легкого удивления и Влад не сдержал...

– Я у вас буду вместо подопытного кролика, что ли? Да ну, нафиг. Вов, извини, я сильно старалась, чтобы вся эта затея выглядела прилично... Но мне это не нужно, нисколечко. Дел и забот и так хватает. Аню, вон, попроси, может, у нее получится.

Я искала глазами подругу – та уже увлеченно что-то обсуждала с компанией, расположившейся прямо на сцене. Вот уж кто здесь был, как рыба в воде, так это Малинина, точно.

– Нет. Аня нам не подойдет. – Зацепин, как и я, понаблюдал за моей подругой, а потом вынес вердикт. – Ее уже затянуло в процесс. Ноль критического отношения.

– А у меня – не ноль?

– А тебя это все раздражает и бесит. – Он смотрел на меня так, будто сказанная фраза уже все подробно объясняла. Может быть, и так. Да только мне было никак не осознать ее смысла. Молча хлопала глазами и ждала продолжения.

– Хм... Я понял. Если мы ее рассмешим, то зал и жюри, однозначно, полягут. Ты для этого ее привел? – Хмелевский, сволочь такая, говорил обо мне, как о неодушевленном предмете. И только за это одно хотелось ему хорошенько врезать. Жаль, я девчонка, и бить по зубам не умею...

– Я – не собачка, чтобы меня приводить. Захотела – пришла сама. Но это был первый и последний раз. Больше не ждите. – Очень жаль, что моего терпения больше не осталось. Я бы с удовольствием еще поспорила с Хмелевским, постаралась бы вывести его из себя... Да только вот, поняла, что запал иссяк уже. Лучше уйти с поля боя слишком рано, однако, с гордо поднятой головой, чем дожидаться, пока тебя затюкают и оставят, униженной и оскорбленной.

– Аня, – подняла голос, чтобы подруга услышала среди взрывов хохота и галдежа, который доносился от края сце-

ны, где Малинина уже с удовольствием восседала. Похоже, в отличие от меня, Анька попала в свою колею, и совсем не планировала уходить. – Мне пора, а ты оставайся!

Эта зараза только помахала рукою мне вслед! Хоть бы вид сделала, для приличия, что ей неудобно или стыдно... Да о чем я? Аньку за то и люблю, что она никогда не притворяется. Тем более, что мавр сделал свое дело – ввел подругу в элитный клуб универа – мавр может уходить.

– Все, пока, мальчики! Ищите себе других подопытных, а мне тут, действительно, нечего делать. – Не стала дожидаться ответа, просто развернулась в сторону двери и домой потопала.

– погоди, Надь. Я тебя провожу до дома. – Вовка, ну надо же, не стушевался. Не переметнулся на сторону своего крутого приятеля, не сделал вид, что я здесь просто мимо пробежала. Нет, продолжал нести на себе бремя ответственности за мою непутевую душу.

– Тут пять минут вразвалочку, угомонись. Вы же здесь по делу собрались, не отвлекайся! – Мне была приятна его забота, но зачем расстраивать планы человеку? Еще не раз пересечемся. А по дороге в общагу мы и поговорить не успеем. Так что – смысл в этом какой?

– О! Видишь, в чем-то девушка сечет! – Насмешка в голосе Хмеля резанула. Но. Я же пообещала себе. Уйти молча и немедленно. Поэтому – промолчала. – Оставайся и займись делом.

– Я сам решу, чем заняться! – Похоже, на этом корабле незрело восстание: матрос по фамилии Зацепин вот совсем никак не хотел капитану подчиняться. – Пойдем, Надя, провожу тебя.

Он ухватил меня за локоть. И уже непонятно было, кто больше торопится покинуть актовый зал: я или Вовка.

Если кто-то сказал бы мне, что я проведу целый вечер на холоде, разгуливая с одним из дружков Хмелевского, я бы громко и радостно расхохоталась. Ну, хотя бы потому, что гулять по ночным холодным улицам – глупое и вредное для здоровья мероприятие. Да и выросла я уже из таких развлечений...

И, вопреки всем доводам рассудка, мыслимым и немыслимым, мы бродили с Зацепиным по промозглым ноябрьским переулкам, болтали о какой-то ерунде, и мне совсем не хотелось возвращаться в общагу. Ни накопленный за прошлую неделю недосып, ни семинар по финансовому праву, к которому я даже не начинала готовиться, ни еще какие-то важные аргументы, которые заставляли нас повернуть к моему дому, – ничто не могло заставить нас дойти до этого самого дома. И только комендантский час оказался поводом, чтобы расстаться. Еще и у порога прощались раз пятнадцать, а потом вспоминали последнее, самое важное... и снова разговоры на полчаса. Теть Валя, дежурившая в тот вечер, уже не вытерпела: выглянула в свое окошечко и недовольно рявкнула:

– Игнатьева, ну, сколько можно-то миловаться? Завтра, что ли, дня не будет?

А мы, между прочим, даже и не пробовали, миловать-ся-то. Я все ждала, что этот дурачок тормозной, все-таки, меня поцелует... Но он все тормозил и тормозил. И даже после того, как тетя Валя выступила, только попрощался на словах и рукой помахал. Капец. Малахольный какой-то. Или еще не умерла в современных парнях романтика?

Глава 5

– Как дела? Привет, – даже и не удивилась, когда на мое законное тихое место на заднем ряду снова плюхнулась мужская задница. Я ее не рассматривала, вообще-то, потому как привычно дремала и не ждала никакого подвоха. Однако, жизнь ко мне, в последнее время стала не очень милосердной и посылала испытания в виде нежеланных соседей по парте.

– Доброе утро. Вообще-то, надеялась немного поспать, пока не видит препод... – В этот раз я решила сразу предупредить Зацепина, что его присутствие не очень-то и радует. А учитывая, что парень ко мне симпатию пытался проявить, то должен бы сразу намек понять и скрыться в тумане.

Однако, не тут-то было. Экономическая география грозила превратиться в очередное мучение для несчастного студенческого организма. Вот почему нельзя первой парой ставить точные науки, типа вышки или эконометрики? Или, на худой конец, основы анализа могли бы быть... Тогда я точно так не страдала бы, а мозг мой быстренько проснулся и взбодрился бы...

– А ты спи, я тихо посижу. Если что, толкну тебя, если Алеша засечет. – Алеша – это Алексей Григорьевич, великий и ужасный зануда, под чей монотонный голос можно бы бессонницу лечить. – Ты давай, подремли, правда, Надь. Я ж не претендую ни на что. Говорить со мной необязательно...

Вот в этот момент с меня весь сон и слетел. Прямо как рукой сняло. Ну, а как иначе-то? Живое человеческое любопытство еще никто не отменял. А мое любопытство – оно такое, неубиваемое. Опять же, тут явно просвечивает нескромный интерес к моей весьма скромной персоне. Надо же разобраться, правильно? Что это за интерес, и откуда он, вдруг, нарисовался?

– Зацепин... – я не планировала произносить его фамилию так многозначительно, само вышло. Однако, прозвучало весьма убедительно. Вовка аж подобрался весь и встрепенулся.

– Что? Я же пообещал, что ничем тебе мешать не буду. Отдыхай, главное, не храпи! – тараторить шепотом очень сложно, и звучит забавно. Только вот, мне почему-то, было от этого не смешно.

– Откуда в тебе взялось столько внимания ко мне? До вчерашнего дня мы даже не разговаривали с тобой ни разу. А тут, вдруг, и на репетицию позвал, и из дома встретил, и домой проводил, и сегодня, вот, опять нарисовался... Что происходит?

– Тише, Надь! – я, действительно, даже и не заметила, что в запале подняла голос, рискуя привлечь к себе внимание преподавателя. – Нас выгонят сейчас, если продолжишь в таком духе.

Вовка аккуратно положил руку поверх моей ладони, даже погладил слегка. Видимо, хотел меня успокоить, таким об-

разом, но добился лишь обратного результата: я зашипела, будто кошка, которой прищемили хвост.

– Тогда объясни, что происходит. И я замолчу. Или проваливай на другое место. И не беси меня!

– Почему сразу «не беси»? – он, кажется, почти обиделся.

– Потому, что я начинаю нервничать, если не понимаю чего-то. А тебя я искренне и абсолютно не понимаю! – теперь уже я шептала, при этом стараясь вложить в свое шипение максимум эмоций и выразительности.

– А что такого сложного-то? Нравишься ты мне, вот и все. Хочу общаться с тобой, поближе. Надоело смотреть со стороны и издалека. – Эту информацию он выдал мне абсолютно спокойно, ни капли не смущаясь. Смотрел прямо в глаза, почти не мигая. Даже впечатление возникло, что правду говорит.

Я тоже смотрела ему в глаза, очень внимательно, правда, мои-то ресницы хлопали, что твой вентилятор, и челюсть, кажется, слегка отвисла. Некрасиво это все выглядит, знаю. Но ничего не могла с собой в тот момент поделать.

– Челюсть подбери, – парень мягко поддел пальцем мой подбородок. И – черт, я, кажется, уснула, все-таки, – так же мягко провел этим пальцем по щеке. – Ты мила в любом облики, но все же, с закрытым ртом приятнее смотреть.

– Зацепин. Признавайся. С кем и на что ты поспорил? – Я слегка отошла от шока и взяла быка за рога. Ну, в конце концов, понятно, что всякие «пары на любовь» – это больше

тема для глупых сериалов и сопливых романчиков... Во всяком случае, я уже давно откладываю в сторону любую макулатуру, сюжет которой на таком вот пари построен... Но, кто их знает, эту мажористую золотую молодежь? Может, у них чем тупее, тем более модно? И вот Зацепин, сто процентов гарантии, либо участник такого пари, либо уже проигравшая сторона. Ну, что-нибудь, типа: «кто проиграл, тот обязан замутить с самой страшной и занудной ботаничкой курса». А чем Игнатьева Надя не ботаническая зануда? Так-то, я оторва еще та, но однокурсники об этом не догадываются. Ну, а красоты мне природа и мама с папой недодали, с этим только дурак не согласится.

– В смысле? Надь, ты о чем? – Парень, все же, не зря был участником команды КВН-овской. В нем очень талантливый актер скрывался.

– Так, на задней парте! Встали, назвали фамилии и вышли! – Вот и выпалась Наденька, не привлекая внимания, вот и посидела спокойно...

Пришлось признаваться, кто мы и как посмели помешать учебному процессу. Потом еще минут пятнадцать продолжали мешать, ведь Алеша не мог отпустить нас с богом восwoяси. Ему очень потребовалось принародно измываться над назадачливыми студентами, потом он подробно зачитывал тему, по которой мы с Зацепиным теперь должны были готовиться к следующей паре. Вдвоем. И выступить потом, вместо преподавателя...

– А я посижу, послушаю. С кем-нибудь поболтаю, если станет очень скучно. – В чем, в чем, а в изобретательности наши молодые преподаватели могли бы состязаться с инквизицией и ее палачами.

Но. Сессия нынче ожидалась адская. И лучше было дружить со всеми преподами во время занятий, чем потом убиваться на пересдачах. А мне бы еще и стипендию сохранить не помешало бы... Молча слушала и записывала все, о чем нам Алексей Григорьевич талдычил.

Оторвалась потом, чуть позже. Как только дверь в аудиторию закрылась...

– Я же попросила: не беси меня! Какого хрена, Зацепин, ты пристал ко мне? Я ведь просто хотела отсидеться на первой паре, чтобы никто не трогал! А теперь что? Сколько часов убить на подготовку придется?

– Ну, мы же вместе будем готовиться, так легче! Ты не переживай, Надь. Я по максимуму сам все сделаю, – парень успокаивающе что-то бормотал, торопливо шагая за мной следом. А я... Я летела на всех парах, сама еще не решив, куда и зачем взлетаю. Но очень сильно требовалось выпустить пар, чтобы не взорваться. Один плюс: я проснулась. Вот прямо как рукой сняло всю дремоту! Но рассказывать об этом Зацепину я, конечно же, не собиралась.

– Отвали от меня, Вов. Пока я что-то плохое не сделала. – Остановилась так же резко, как с места до этого сорвалась. Развернулась к нему лицом, толкнула в грудь обеими

руками. Смешно, конечно. Могла бы, с таким же успехом, по стенке кулаками молотить.

– Можешь избить меня. Заслужил. – Он говорил, как мог, смиренно. Но я-то видела и слышала, что смех сдерживал.

– Черт. Признавайся, в конце концов, в чем соль? – Меня разрывало на части от злости, но ничего не приходило в голову, как эту злость выпустить с минимальными последствиями для себя и окружающего мира. Это я, помнится, совсем недавно Аньке пыталась объяснить, как получается всегда быть спокойной и невозмутимой... Видела б меня сейчас Малинина, вот бы обалдела...

– Соль чего, Надь? Пойдем, я тебя кофе угощу в кафешке нашей? Все равно, теперь больше часа болтаться без дела. А так, заодно, что-нибудь съедим вкусное и посмотрим, что есть по теме, которую нам Алеша задал.

– Сначала ответь мне на вопрос! – Предложение, несомненно, было заманчивым: я опять не успела позавтракать, и кофе нещадно хотелось, а еще... Зацепин, реально, виноват, поэтому моя совесть не планировала ни от чего отказываться.

– Я не понимаю твоего вопроса, Надюш, – сейчас он говорил со мной, будто с умственно отсталой. Это когда люди думают, что если медленно и по слогам произнести слово «таргетирование», то оно сразу же станет намного понятнее. Вот и Зацепин, видимо, решил, что если пять раз отмажется от меня, с каждым разом все проникновеннее, то я, в конце

концов, успокоюсь.

– Повторяю: расскажи мне сразу, с какой целью вокруг меня вертишься? Что и кому ты должен показать, чтобы выиграть это ваше пари, спор или что там еще бывает?

Зацепин нахмурился. Посмотрел на меня внимательно. Потер пальцем лоб. Еще раз посмотрел.

– А как ты решила, что я с кем-то спорил?

– Интересно, есть какие-то другие объяснения тому, что у тебя, ни с того, ни с сего, проснулась ко мне симпатия? При чем, в навязчивой форме? Мы, вроде бы, мало с тобой общались. Как ты на дистанции смог определить, что я – непреходимая дура?

– Пойдем, все-таки, в кафе. Я знаю, бывают люди такие, которые, пока чего-нибудь не перекусят, не могут общаться нормально. – И он уверенно потащил меня за руку в сторону нашей университетской кафешки. Даже не в столовую, которая дерет втридорога, а в заведение, куда я и заглядывать-то не рисковала никогда...

– Стой. – Для убедительности, уперлась ногами в пол. Так, что Вовка несколько шагов, на автомате, тащил меня почти волоком.

– Ну, что опять случилось-то, Надь? – До парня дошло, наконец-то, что буксировать меня не очень хорошо получается...

– У меня нет столько денег, чтобы там кофе пить. Даже на стаканчик не хватит. – Решила, что мне этого ненормального

стесняться и не стоит. Может, поймет, что с меня взять нечего, быстрее отстанет? Ну, какой интерес тусоваться с нищесборкой, если привык к другой, более возвышенной компании?

– Обижаешь. – Он вполне натурально насупил. – За кого ты меня принимаешь-то, Игнатьева? Я тебя пригласил, я тебя и угощаю. Тем более, должен искупить свою вину.

– Я тебя не знаю. И до вчерашнего дня даже думать не планировала о том, что это за человек – Зацепин Владимир. – Не прекращая бубнеж, я поддавалась давлению парня, двинулась-таки вслед за ним, в нужном направлении.

– А теперь придется думать обо мне часто. И желательно, хорошо думать. – Звучало уверенно и весомо. Правда, понятнее ситуация от этого не стала. – Выбирай, что хочешь. Ты же, наверное, и позавтракать не откажешься, да? – Препираясь, мы успели добраться до нужного заведения и усесться за самый дальний столик в углу. Благо, на первой паре все они еще пустовали.

– Нет. Мне достаточно кофе. С молоком и сахаром. Самую большую порцию.

– Надь, составь мне компанию, а? – Как-то это прозвучало неожиданно. Очень по-человечески, что ли, просительно...

– А я сейчас чем, по-твоему, занимаюсь?

– Я тоже не ел ничего с утра. Проспал, летел сюда, как ошпаренный. Жрать хочу, просто капец. – Он жалобными глазами уставился на меня, будто выданная им информация

что-то сейчас меняла в нашем разговоре.

– И? Чем я должна тебе помочь? Ты не умеешь выбирать блюда по названиям, или что?

– Я не смогу жевать, если ты будешь просто хлебать кофе. Давай, по омлету заточим, а?

– Омлет? – не было моему удивлению предела.

– А что такого?

– Ты же это... мажор... вам же не положено омлеты... вы всякие там... даже не знаю... – неопределенно помахала рукой в воздухе, не приходило в голову ни одно из манерных названий, – крутоны, фуа-гра, прочую белиберду жуете...

Мой монолог, вдохновленный тем, что нужные слова, наконец, нашлись, прервал раскатистый хохот. Даже дремавший бармен подскочил у стойки...

– Блин, вот ты даешь, Надюх! Не зря я тебя в КВН позвал, как чувствовал! Ты что, думаешь, мне мать по утрам гусиную печень по гренкам размазывает?

– А что, домработницу уволили, не справлялась?

– Да ну тебя, придумала, тоже. У меня предки только-только зарабатывают на свои нужды, сестре на лицей, да меня, дуралея, выучить пытаются. И живем мы с ними в обычной трешке... Ну, может, чуть больше стандартной... В общем, я сам себе омлеты по утрам фигачу, а мама, если успевает, может нажарить оладушек. Сегодня ни я, ни она не успели. – Он голодно дернул кадыком, уставился на меня глазами несчастного пса. – Ну, давай, по омлету, или по гла-

зунье закажем, а?

Вот я могу очень многое вытерпеть и пережить. Но причина голодный для меня – это какая-то больная тема. В чем угодно откажу, как бы ни упрашивали, а вот оставить ненакормленным – невозможно. Не знаю, из каких слоев подкорки это вылезает, но как только вижу, что человеку нужно поесть, последний кусок достану из тайных закровов, и отдам, не задумываясь. Вот и теперь. Слава богу, ничего отдавать не пришлось. Просто согласиться на то, чтобы Зацепин потратил какие-то безумные деньги на блюдо, состоящее из двух яиц и половинки сосиски. Я бы на эту сумму неделю прожить могла, ни в чем себе не отказывая. А еще прибудняется, под сиротку казанскую косит.

В итоге, мой желудок довольно урчал, переваривая завтрак, который не перепалал ему, наверное, с тех пор, как я вернулась с летних каникул. И кофе был потрясающе вкусным, с нужным количеством молока и сахара... И бутерброд с сыром оказался наисвежайшим, и листик салата на нем – не роскошь, а самое необходимое дополнение. Правда, о бутерброде меня никто не спрашивал, но я решила, что отказываться от него будет просто глупо.

– Ну, вот. Добился своего. Я сыта, расслаблена и довольна жизнью. – С сожалением размещивала пену, оставшуюся на дне чашки, понимая, что не отказалась бы и еще от одной. – Можешь попробовать еще раз объяснить, что тебе от меня нужно. И даже без риска быть убитым.

– Погоди, сейчас еще кофе возьму. А там обсудим. – Зацепин до того обнаглел, что в этот раз даже ни о чем не стал меня спрашивать. Просто стогнял к стойке и притащил мне огромную чашку такого же одуряюще вкусного напитка. – А что тебе нужно объяснить-то, Надь?

– Откуда взялся такой неумный интерес к моей персоне? Три года ты меня не замечал, даже не здоровался, а тут, вдруг, раз – и привалило счастье к нашим берегам?

– А что, реально счастье? – он улыбнулся. Снова сбив меня с толку. Улыбка была какая-то... неожиданно человеческая, неуверенная. Будто от моего ответа что-то, действительно, могло зависеть.

– Да нет, это я так, фигурально. – Все. Мужчина перестал быть голодным, и больше его улыбки на меня влияния не оказывали.

– Ну, ты мне, реально, очень нравишься, Надь. – Улыбка на его лице потухла. Однако, нужно отдать парню должное: он старался. Делал вид, что мой сарказм его никак не цепляет. Получалось, правда, не очень. И моей совестливой душе стало хреново и пакостно. Не люблю, когда люди на глазах твоих расстраиваются. Ну, не думала, что такой чувствительный мальчик окажется...

– Это я слышала. Но это ничего не объясняет.

– Ну, блин. Похорошела ты как-то неожиданно. Или я заметил просто... В общем, с начала четвертого курса хожу и плясую на тебя. А ты и не оглянешься в мою сторону, ни ра-

зу.

Черт. Никогда не случилось такого со мной. Парень, глядя прямо в глаза, признается в симпатии... Очень похоже на то, что искренне. Но ведь так не бывает же в наше время? Или мне просто еще никто вот прямо так, открыто, ничего о симпатии не говорил? Из таких, как он, представителей золотой молодежи? Да и не только золотой... Растерялась, в общем.

– А тут мы решили, что в команде игроков не хватает. Свежая кровь нужна, так сказать. Вот и нашелся повод, чтобы к тебе подкатить...

– И что, ты прямо вот так, не заморачиваясь, всем девчонкам признаешься в своих чувствах?

– Что значит «всем»? Я, между прочим, не так и часто это делаю. Мне редко кто нравится.

– А те, кто не нравится? С ними как складываются дела? – это уже исследовательский интерес проснулся.

– Никак. Я с ними не пересекаюсь.

На глазах рассыпался мой привычный стереотип бабника-мажора. Вот прямо такой хороший мальчик сидел напротив, что даже страшно становилось. А ну, как недостойна окажусь? Испачкаю чистую душу, испорчу?

Незаметно прокралась мысль о том, что вообще рядом с Зацепиным буду. Начала, понимаешь ли, оценивать, кто кому больше и каким боком подходит... Вот же, зараза, какой он оказался...

– Ты, случаем, на курсы пикапа не ходишь? – Мозг под-

кинул новую идею. Которая прекрасно могла объяснить все происходящее.

Аж поперхнулся, бедный. Откашлялся, по спине не пришлось стучать.

– Откуда такие мысли? – вытирая слезы, навернувшиеся на глаза, пока пытался отдышаться.

– Да все пытаюсь найти правдоподобное объяснение тому, что происходит сейчас.

– Надь, а тебе что, раньше никогда в любви не признавались, да?

Сволочь. Вот как так можно быстро все раскусывать?

Разозлил меня. И к счастью, наверное.

– Вов, ты как-то увел меня далеко от начала разговора. Обещал, что ответишь на вопрос о пари, когда я поем и подобрею. Было дело?

– Было. Не отрицаю. А ты подобрела? – Зацепин снова сделал попытку нежно взять меня за руку, но я уже совсем проснулась, реагировала быстро – не далась.

– Ну, так, не очень. И ты давай, прекращай эти свои пикаперские и энэлпэшные штучки! – от греха подальше, руки убрала под стол, и смотреть ему прямо в глаза перестала. Кто знает, может, он и правда, на мне тренируется?

– Надь, ну, что ты выдумываешь, в конце-то концов? Собрала все в кучу: и пари какое-то, и пикаперов, и НЛП-программирование... Ничем таким я не занимаюсь. Некогда и не интересно, если честно.

– А что это за фраза была: «А как ты поняла, что я с кем-то спорил?»

– Ну, это был вопрос, на который ты мне и ответила, в общем-то. Удивила, конкретно, что тебе такая мысль в голову пришла. Да и, мне кажется, это детские приколы. А мы не дети уже, слава богу.

У него были очень честные, умные, спокойные глаза. Смотрели прямо, не бегали. Складывалось впечатление, что не врет. Правда, мозг мой продолжал недоверчиво кричать о какой-то подставе.

– Я тоже удивилась очень сильно. До сих пор удивлена, если быть честной. И не верю тебе, Зацепин. Ни единому твоему слову.

– А в то, что ты мне очень нравишься, не веришь тоже? – сложно было понять по его лицу, расстроен ли Вовка или нет, так хорошо скрывает эмоции, или ему просто пофигу... Непробиваемая физиономия, уважать прямо-таки начала...

– Нет, конечно. Наверняка, вся эта история не просто так затеяна. Осталось только разобраться, зачем и как. – Я поднялась из-за стола, твердо намеренная уйти и держаться от парня подальше. Любопытство сгубило кошку. Я эту поговорку знаю, и очень даже неплохо. Судьбу животного повторять не хочу. Иначе, конечно же, прикинулась бы доверчивой идиоткой и посмотрела, куда заведет зацепинская идея. – Но я предлагаю тебе делать это без моего участия.

Вовка встал следом за мной, бросив на стол неприлично

крупную купюру. Я лишь грустно проводила ее взглядом. Грустно – от того, что мне очень хотелось бы когда-то вот так же швырять деньги, не глядя, куда и сколько их падает...

– Надь, ты не забывай, что нам еще к паре вместе готовиться. Если не хочешь здесь сидеть – пойдем в библиотеку. Там сейчас должно быть много компов свободных. Что зря время-то терять?

– Вот же, прицепился, блин. Как банный лист... – пробурчала себе под нос. Как бы ни старалась я выглядеть злой социопаткой, но вбитая с детства вежливость совсем уж открыто хамить не позволяла. И уже в полную громкость спросила, – Ты специально, что ли, этот трюк на паре провернул? Чтобы была возможность прилипнуть ко мне и не отставать?

Мы стояли уже на самом выходе из кафе. Еще шаг – и снова окажемся в коридорах универа, где постоянно кто-то бродит, а здесь возникала иллюзия какой-то уединенности. Потому, наверное, и затормозили оба. Хотелось разобраться так, чтобы никто не мешал.

Зацепин, все-таки, схватил меня за руки. Теперь за обе. Перебирал мои пальцы своими, неожиданно теплыми и приятными, и опять смотрел в глаза.

– Надь, давай так: ты можешь придумывать все, что угодно. Про меня, про какое-то пари, про тесты и теории, которые я на тебе проверяю... Дай мне просто возможность за тобой поухаживать. А дальше уже сама решишь, нравится тебе это или не нравится. Если не понравится – значит, не

сложилось. Бывает такое. Как только ты скажешь, что тебе неприятно мое присутствие или я сам, то сразу же от тебя отстану.

Речь звучала искренне и взволнованно. Глаза блестели. Руки мои уже как-то обвыклись и пригрелись в его больших ладонях. Хотелось верить.

– А в чем моя выгода от этого? – подозрительность моя никак не хотела успокаиваться.

– А что ты хотела бы, Надь? Рассказывай. – Как-то уж очень обреченно спросил. И повел меня, таки, в коридор. Руку, между прочим, так и не выпустил одну. А я не очень-то и сопротивлялась.

– А сколько дашь мне времени на раздумья?

Глава 6

– Не, ну, ты даешь, Надь! – Малинина округлила глаза испуганно и восхищенно, одновременно. – Че, прямо так и спросила, про выгоду? Да? – кажется, ее голос уже побил все рекорды по количеству оттенков удивления, выданных одной фразой.

– А что я должна была спрашивать? Когда он меня замуж позовет? – Десять раз пожалела о том, что поделилась новостью с соседкой. Анька ж теперь сама не уснет и мне спать не даст. Слишком тухлая личная жизнь у нас обеих, чтобы Малинина переварила данные легко и просто. – Кстати, надо этот вариант записать тоже. Проверю, насколько серьезен парень. Вдруг, на этом вопросе и сломается.

– Надь, блин, ну что ты... Всю романтику сразу обломаешь! Тебе человек почти в любви признался, а ты...

– Какая любовь, Анечка? Мы с ним разговаривали три раза, от силы. Даже если предположить, что он был искренним, то максимум – это интерес и увлечение. Все.

– Капец. Игнатьева, с таким отношением, ты замуж никогда не выйдешь!

– А я, между прочим, и не спешу.

Хреновая помощница и советчица из Ани. Мне бы нужен кто-то, способный убедить, что не надо с Зацепиным вообще связываться. Так как опасно для психики, нервной системы

и здоровья в целом. А эта дурында лишь визжит от восторга, придумывает имена нашим будущим детям и напрашивается в крестные. Ну, где тут найти трезвый и рациональный подход?

Мне слишком понравился этот парень, и слишком хотелось поверить в то, что симпатия Зацепина ко мне – настоящая. И очень страшно было оказаться в нелепой ситуации. Такой, после которой даже моя непробиваемый панцирь из пофигизма даст трещину.

– И что делать собираешься? – Аньке было глубоко наплевать на мои философские размышления. Она должна была знать. И, конечно же, планировала категорически поправить мое мнение, если оно с ее представлением не совпадет.

– Схожу с ним на свидание, что делать-то? – выдохнула обреченно. – Он же не отвяжется так просто. Будет приставать каждый день. Мешать спать на парах...

– Ой, ладно, Надь... – соседка довольно прищурилась, хлопнула меня по руке, – я по глазам вижу, что самой хочется сходить. Меня-то обманывать не надо!

– Я и не обманываю. Просто надеялась, что ты меня отговоришь, а ты, вон, переметнулась в другой лагерь... – соседке, кажется, удалось меня смутить.

– Ну, если ты ему в глаза не смогла заявить, что он тебе не нравится... То мне-то, уж точно, можешь больше ничего не говорить.

– Малинина, ты так сияешь, как будто, на свидание при-

гласили тебя, а не меня!

– Я-то успею сходить еще, и не раз, а тебя – впервые на моих глазах куда-то позвали! Конечно, событие такое! Как не радоваться?

– Теперь я ощутила себя какой-то убогой страшилкой... – подруга нечаянно зацепила мою больную мозоль. Знаю, что не хотела, знаю, что она радуется искренне, однако...

– Да брось ты, Игнатьева! Тоже мне придумала еще! Тебя парню еще поймать надо, вечно занята какими-то своими думами и делами. Только настырный Зацепин и смог. Цени, Надюха, – он смог пробиться, наконец-то!

Аня что-то еще тараторила, пытаясь загладить неловкость, но настроение мое оказалось безнадежно испорченным. Потому, что мне, действительно, в личной жизни как-то не сильно и везло. Не знаю, по какой причине. Вроде бы, с внешностью проблем не наблюдалось – и по моей субъективной оценке в зеркале, и по объективным отзывам друзей и близких... Если, конечно, все они были объективны, а не просто жалели меня. Брат сказал как-то, что у меня есть все шансы начать клеить мужиков пачками... Но для этого надо перестать держать «рожу кирпичом», то есть улыбаться почаще. А я вот улыбаться всяким посторонним людям не люблю. Я даже в зеркале себе только ухмыляюсь. По принципу: «Да-да, я помню, кто это. Да, узнала. Но не уверена, что сильно рада».

И все у меня хорошо с самооценкой. И человек я общи-

тельный и дружелюбный. Ну, во всяком случае, раньше мне так казалось. А вот в последнее время, что-то пошатнулась уверенность. Скорее всего, новая обстановка, новые люди, предпочитающие смотреть не прямо на тебя, а сквозь... Новые требования, в которых я оказалась далеко не на высоте, и незнание, как этой высоты достичь... И постоянная, бесконечная занятость и недосып. Я либо постоянно находилась на работе, либо старательно училась, чтобы нагнать отставание, которое случилось за мою рабочую неделю. Отсутствие денег, которых не хватало ни на что лишнее, очень угнетало. Поэтому я так хотела получить нормальное образование, потом – хорошую работу. Чтобы навсегда забыть, что такое пахота по ночам за какие-то жалкие копейки. Чтобы доказать родителям, что для достойной жизни вовсе не обязательно рождаться с золотой ложечкой во рту или выйти замуж за ее обладателя. И что люди, которые родились и выросли не среди элиты, имеют полное право в эту элиту попасть. В этом – главная причина моих ссор с семьей. В моей уверенности, что имею право хотя бы попытаться получить достойный аттестат и приличную должность. В том, что не захотела остаться в родном городе, окончить педучилище и всю жизнь провести, работая продавцом, кондуктором, вахтером и лифтером за копейки... О том, чтобы в воспитатели пойти, даже мои предки не заикались – там и копеек-то не платят.

В общем, не до любви мне было в последние годы, и не

до свиданий. Просто некогда было улыбаться людям, или не очень хотелось. А вот Вовке, отчего-то, я уже несколько раз улыбнулась. И о любви вспомнилось. И о том, что в зеркало не мешало бы посмотреться внимательно... Чтобы Зацепин, при более плотном общении, не ужаснулся. Вдруг, близорукость у парня, потому и повелся нечаянно на меня?

Глава 7

Зеркало не сказало мне ничего нового. Было бы странно услышать что-нибудь от стекла, и пора бежать к доктору, чтобы помог избавиться от галлюцинаций. Но и увидеть там что-то неожиданное я тоже не смогла. Моя вполне обычная внешность ничуть не изменилась за последнее время, только темные круги под глазами стали еще ярче, и еще сильнее подчеркивали бледность кожи, давно не видевшей нормального сна и загара. Честно попытавшись привести себя в божий вид, через полчаса плюнула на бестолковые старания, потому как косметика только страшнее меня делала, а не лучше. Умылась, расчесалась и двинула на свидание.

Вовка, похоже, был тайным любителем вампиров и девушек, живущих в подземельях, иначе, как еще понимать его радость от моего не слишком цветущего вида?

Я его не стала пытаться на эту тему, понимая, что Зацепин не из того теста, чтобы правду о своих слабостях говорить. А выглядеть будет, словно на комплименты напрашиваюсь. Не очень прилично.

Удивительно то, что и у меня возникла слабость к этому мажору, что старался изо всех сил, чтобы мажором не казаться. Вернее, он искренне считал, что никакого отношения не имеет к такому неприятному и обидному слову. А я каждый раз, покидая очередное кафе, наблюдала, как Вова бросает

крупные купюры, не пересчитывая и никогда не дожидаясь сдачи, и не могла понять, а что же тогда «мажор» и «богач» в его понимании?

Да, все правильно: одним свиданием дело не обошлось. Мне нравилось общаться с Вовкой, нравилось, как он на меня смотрит, мне полюбилось ходить с ним в кино и порой посещать кафе. Накормить меня Зацепин старался постоянно. Будто задался целью за счет кормежки увеличить мне то ли грудь, то ли попу... А может быть, и верхние, и нижние мои «далеко-до-девяноста» ему не давали покоя. Я же отчаянно стеснялась таких походов, потому, что Зацепин отказывался есть в обычных столовых. Ему необходимо было таскать меня по самым дорогим заведениям. Ему, видишь ты, на все остальное в жизни пофигу, а вот хорошая еда – единственное важное удовольствие. Приходилось изредка идти ему навстречу. И это, наверное, было первой и последней проблемой, связанной с Вовкой. Во всем остальном мои желания и интересы полностью совпадали с его. Зацепин еще постоянно возмущался, что я слишком много работаю, потом учусь и сплю, и времени ему совсем не уделяю. Но это уже было не моей, а его проблемой.

– Надь, а ты что на каникулах делать собираешься? – Вовка уже привычно обосновался рядом со мной на задней парте, оберегая мой сон от других, но забывая, что сам очень сильно мешает. Чтобы не повторять наш позорный залет с Алешей, теперь не шептал, а писал. Иногда – в мессендже-

ре, иногда – и прямо на полях моей тетради. Это когда я на вибрацию телефона переставала реагировать.

– Еще не думала. Сдать бы ее сначала, эту сессию.

– Домой не поедешь?

– А надо? Тебе необходимо, чтобы я освободила город от своего присутствия?

– Да ну тебя. – Вовка давно привык к моему не слишком добродушному нраву, и на провокационные вопросы не велся. – Я ж серьезно спрашиваю.

– А тебе зачем? – Честно говоря, даже и не знала, что ему ответить. Стыдно было признаваться, что никакие планы не строю. Ни на ночь новогоднюю, ни на длинные выходные после этой ночи, ни на каникулы после сессии. Наверное, Вовка про сам Новый Год не спрашивал, будучи уверенным, что я точно к родным свалю. А вот на каникулы еще как-то понадеялся...

– Да наши собираются поехать на турбазу, отметить дружно и Новый Год, и окончание семестра. Чтобы всей толпой, оторваться по-настоящему. На сами-то праздники многие с родичами будут. Кто за границу собирается, кто – в фамильные поместья и фазенды... Короче, после сессии больше шансов весь народ организовать, там уже все взрослые будут активно работать, а от нас отстанут.

Мда... Я в очередной раз поняла, какая финансовая пропасть лежит между нашими мирами. Кто бы ко мне так пристал, с поездкой-то за границу? Всю жизнь, сколько себя

помню, только от шести соток, сплошь засаженных картошкой и капустой, пыталась отделаться. Но... расставаться с Вовой из-за этой пропасти я пока не планировала – всегда успеется, а объяснять ему, что мелкий жемчуг – не самая страшная беда в жизни, точно не мое дело. Дай-то бог, ума хватит, и сам когда-нибудь поймет.

– Наши – это кто? Я никого не знаю из твоей компании.

– Ну, ребята с курса. Ты же со всеми знакома?

– Да брось. Я даже не все имена помню. А для совместной поездки на базу даже знать имена наизусть – этого маловато будет.

– Черт. Надь, ну, ты же ходишь на репетиции. Вот практически вся команда с нами и будет.

Я, действительно, поддавалась совместным уговорам Ани и Вовки, и время от времени ходила вместе с ними. Только, в отличие от всех остальных, чаще отсутствовала, чем присутствовала на репетициях. Даже когда сидела прямо там, в зале. Просто скучно мне было, не очень захватывала вся эта суета с бесконечными повторами и прогонами шуток, которые и в первый-то раз не очень смешили. И вообще, я сильно разочаровалась в этой веселой игре. Ее изнанка была слишком уж неприглядной. А может быть, это проблема была в нашей команде, умудрившейся испоганить все самое лучшее и светлое. «Интриги, скандалы, расследования» – им бы так называться.

Но это с моей, отстраненной колокольни. Все остальные

участники были крайне увлечены происходящим, откровенно веселились, тут же ссорились, мирились, покидали команду и обратно приходили... Жизнь кипела, а я скучала. Иногда ко мне обращались, чтобы услышать «независимое мнение». Сначала высказывала все, как есть. Потом заметила, как сильно бомбит Хмелевского, как он тут же начинает до меня докапываться, язвить и говорить не очень-то завуалированные гадости. Капитан команды ненавидел критику, я так поняла. И критику прекратила. Просто отмалчивалась или говорила, что шутку не догоняю. Общественность мило стиво соглашалась, что это я туповата с недосыпу. Но текст, порой, переделывали. Вдруг, кроме меня, еще встретятся такие же недалекие товарищи в зале? Хоть какая-то польза, и это меня утешало.

– Вов. Я их несколько часов терплю с трудом. Еле перевариваю. А ты предлагаешь наслаждаться обществом этих «ваших» пару дней подряд, еще и с ночевкой?

– Вообще-то, я рассчитывал, что наслаждаться ты будешь моим обществом, а на остальных болт забьешь. Представляешь, несколько дней – вдвоем, и никакого комендантского часа, и не надо спешить тебе ни на какую работу? – Вовкины глаза мечтательно заблестели, и он даже, кажется, масляно облизнулся. И даже не стал писать ничего, а зашептал мне на ухо, не сдержался.

Парня можно понять: мы уже так давно гуляли с ним на «пионерском» расстоянии, что любой живой половозрелый

самец человека уже должен был бы на стенку полезть. Целовались, конечно, обнимались, руки его так и норовили залезть под мой свитер, либо проверить на гладкость заднюю часть джинсов... Но дальше этого не заходило: мне все время нужно было куда-то спешить. То общага уже закрывалась, то на работе заждались, то еще какие-то препоны появлялись. Домой к себе он меня не приглашал, ни с ночевкой, ни просто так, чаю попить (я и не ждала приглашения, но галочку в уме поставила), а других вариантов для уединения у нас не было. И Зацепин, конечно же, продумывал все возможные варианты, чтобы остаться вдвоем, наконец-то, в одной закрытой комнате. Подозреваю, что и половина всей честной компании, что собиралась ехать на базу, теми же идеями и руководствовалось.

А я... А я, наверное, и не прочь бы уединиться с ним... Но это желание не было настолько сильным, чтобы прямо все бросить и бежать, теряя тапочки на ходу.

– Честно говоря, я хотела поработать в это время.

– С ума сошла? Надь...

– Шшшш... – теперь уже я зашипела, потому что Вова снова не сдержался, попытался вслух заговорить, – хочешь, чтобы опять выгнали? На перемене поговорим.

Зацепин насупился, явно недовольный моей реакцией. Наверняка, был уверен, что я буду прыгать от радости, услышав его предложение. А я вот, прыгать не очень-то собиралась.

Стоило прозвенеть звонку, как он тут же снова ко мне прикопался.

– Ну, правда, Надь, какая работа? Ты и так постоянно па-
пашешь, надо же иногда и отдыхать!

Я раздраженно складывала вещи в сумку. Нет, все-таки, разница между социальными слоями – это совсем не пред-
рассудки. Нам реально сложно понять друг друга в некото-
рых вещах, слишком горизонты разные.

– Мне мама с папой оплатить не смогут эту поездку. Они, наверное, в месяц столько не тратят на еду, сколько стоит отдых на всяких базах.

– Так никто же тебя и не заставляет платить. Все за мой счет. – Вовка шел рядом по коридору, даже пытался меня обогнать и заглянуть в лицо. – Только в этом проблема?

– Нет. Проблема в том, что это – редкий период, когда я могу спокойно зарабатывать деньги, при этом еще и высыпаться днем. Я очень люблю работать на каникулах, чтобы ты знал. И на новогодние праздники, между прочим, тоже взяла себе максимально плотный график.

– Да ладно? – он даже приостановился, до того был удивлен новостью. А я уже начала жалеть о том, что сгоряча ее выпалила. Пусть бы думал лучше, что я десять дней проведу в родном городе, с любимой семьей. Теперь еще выпрашивать начнет, по какой причине домой меня не тянет...

– Да. Тебе не послышалось. На сам Новый Год сгоняю до-
мой, а второго января уже сюда возвращаюсь. Мне такой рас-

клад больше нравится.

– Я так понимаю, спрашивать о причинах не стоит?

– Если хочешь сделать мне приятное, то не надо.

И он, умница такой, расспрашивать не стал. Хотя я и понимала, что к этой теме когда-нибудь вернется. А мне, попросту, совсем не улыбалось бесконечно выслушивать от предков, как я неправа, и что пора бросать это глупое занятие. Лучше бы дома жила, помогала семье, уже и замуж могла бы выскочить, а не вот это вот все. На первом и втором курсе, по неопытности, уже попадала в это болото, наелась досыта, и больше возвращаться в него не торопилась.

Но как это объяснить парню, в которого родители вкладывали все силы и здоровье, чтобы его будущее было более светлым и радостным, чем у предыдущих поколений? Объяснить, не вызывая сочувствия и жалости? Наверное, такие способы есть, но я их пока не знала.

– Тогда и ты мне приятное сделай. А? – и растянул свою фирменную улыбку, просительно-дурашливую, после которой обычно ни в чем не знал отказа. Обаятельный, зараза. И милый, и настойчивый. До того, что иногда убить хотелось.

– Смотри что для этого потребуется.

– Поехали на базу, Надь. Ну, ты же всех денег в мире не зарабатываешь, правда? И график, наверняка, еще не составляли так далеко вперед?

– Дай мне подумать, пожалуйста. Не наседай. Иначе, сам знаешь, точно откажусь.

И Вовка отстал, правда, пообещав, что слишком много времени на раздумья у меня не останется.

А я решила, что обязательно придумаю какие-нибудь супер-веские аргументы, чтобы отмазаться. Если что, Малинина поможет. Она у нас натура смышленная и находчивая.

– Игнатьева, ты что? Ошалела? – Уже по первой реакции стало ясно, что зря я на Аньку понадеялась.

– И ты, Брут? – я устало присела на кровать, жалея о том, что вообще рассказала соседке о сделанном мне уникальном предложении.

– А что? Зачем отказываться? Вы же туда поедете не на неделю, а всего на пару-тройку дней. Никуда твоя работа за это время не денется! А когда ты еще съездишь на отдых, да еще и на халяву?!

– Ань, я с девчонками подменяться планировала, на время сессии, чтобы к экзаменам готовиться спокойно. А на каникулах бы отработала.

– Надь, не будь душой, наконец-то. Сколько ты мужика собираешься морозить?

– Че это, сразу морозить-то? – я смущенно полезла в телефон, как будто там появилось какое-то срочное дело...

– А когда ты предоставишь ему доступ к комиссарскому телу? Он же в расцвете сил, бугай молодой и здоровый. Устанет ждать и найдет себе другую, более удобную даму. И не говори потом, что он виноват в измене, что любовь не знает преград, и прочее, и прочее. В нашем веке, чисто платони-

ческие отношения возникают, лишь когда ни одна из сторон уже ничего физически не может.

И Анька была права. Мы знали об этом обе. Но, вот беда, доступ к моему брэнному телу больше всего и смущал. Я не столько боялась этого, сколько... Не хотела, да и все. Первые мои несколько опытов, что случились еще в выпускном классе, не оставили никаких приятных воспоминаний. И обновлять ощущения я вовсе не спешила.

Глава 8

– О, ну, надо же! Кто нас почтил своим присутствием! Ле-ди не ошиблась адресом? – ну, кто бы мог подумать, что первым, кто встретится нам у ворот базы отдыха, будет Хмелевский собственной персоной?

– Влад, не докапывайся. Завидуешь – завидуй молча! – Вовка, зная, что я и обратно укатить могу, благо, такси еще не уехало, а разворачивалось чуть дальше, встал на мою защиту. Жаль, а мне уже столько гадостей ответных в голову пришло, и всем – пришлось пропасть даром.

– Вот еще, чему завидовать? Тому, что у тебя в Туле будет свой самовар? – этот заносчивый хам никак не мог оставить нас без внимания. Хотя, казалось бы, впереди топала целая стайка одиноких девчонок. Лучше бы уже среди них начал свой самовар искать.

– А тебе заняться нечем? Тогда помоги нам сумки нести. Ты же здесь вместо дворецкого стоишь, я так понимаю? – не выдержала, съязвила. Ну, а что? Если парню заняться нечем, так я всегда помогу...

– Вот еще... – Хмель, видимо, был разочарован такой моей реакцией, фыркнул презрительно и ушел. Куда-то в сторону, не за девчонками, так точно.

– Надь, ты-то меня не обижай, – это уже Зацепин решил высказаться. – Что тут нести? У меня мать косметичку соби-

рает побольше, чем твоя сумка. Неужели, я с ней не справлюсь?

– Вов, ты меня привез в гнездо из змей кишаших. Вот и не удивляйся, что я на всех вокруг ядом плююсь. Это инстинкт самосохранения срабатывает. Тебя он тоже может зацепить, но тут уж, как говорится, не обижайся: знал сам, на что идешь.

Анька, которая была главной причиной моего присутствия здесь (уболтала поехать, и ее взять с собой, за компанию и для поддержки морального духа), загадочно двигала бровью и очень демонстративно переводила свой взгляд с меня на Вовку, с Вовки – на Хмелевского, а со спины мажора, которому плевать было на ее взгляды, обратно на меня.

– Вов, а чего это Хмель до Надюхи так докапывается? Когда она успела ему соли на хвост насыпать? – Все-таки, решила расшифровать значение своих загадочных переглядок.

– Натура у него такая, дурацкая. Найдет себе жертву и клепает ее, пока она не сломается. Как только несчастный запросит пощады, так Влад от него и отстает. А Надя у нас не такая. Она сама кому хочешь зубы обломает, правда, Надюш? – Зацепин был явно доволен своей тирадой, мной, собой и, вообще, всем на свете происходящим. Ну, а чего ему? Схватил наши с Анькой баулы, свою спортивную сумку через плечо повесил, и потопал к центральному домику, на котором весьма нелепо красовалась вывеска «ресепшн». Ну, какой, блин, ресепшн может быть на базе, полностью оформ-

ленной под русскую деревянную деревню?

А может быть, это просто я придиралась. В конце концов, как еще называть это место, где гостей оформляют и распределяют по домикам и гостиным? Наверное, русский синоним есть, но все мы его уже давно и надежно выкинули из головы...

Настроение, и без того не очень-то радужное, Хмель мне изрядно подпортил. Я и без него-то согласилась на эту поездку через силу и через долгие совместные уговоры Вовы и Малининой. Они разными способами, не мытьем, так катаньем, но уломали меня. Анька, дурында такая, еще и сертификат мне вручила, в качестве запоздалого новогоднего подарка. И не куда-нибудь, а в магазин нижнего белья. Сама же меня туда отвела и помогла сертификат отоварить. Комплект, спору нет, был великолепен, даже я не могла налюбоваться этими изящными белоснежными кружевами и атласом. Да вот только, жег мне кожу постоянным напоминанием, с какой целью я сюда приехала. Будто агнец на заклание.

Одно грело: проживание на базе, скрепя сердце, я оплатила сама. Помня мамины наставления на тему «кто девушку ужинает, тот ее и танцует», решила, что не хочу быть ничем никому обязанной, и что мне просто необходимо моральное право дать заднюю, если что-то не понравится. А то, что Анька будет в соседней комнате, обнадеживало: если что, к ней спать сбегу. Ничего, потеснится на своей односпалке, ничего с ней не делается.

Оказалось, что совсем не обязательно все запланированные три дня проводить вплотную с приехавшей толпой однокурсников. На базе обнаружился весьма неплохой прокат лыж, ватрушек, даже коньков, на которых я не стояла никогда, но попыталась... Зацепин с Малининой ржали и показывались, глядя, как я перекатываюсь с задницы на коленки и обратно. Потом сжалились, взяли меня за руки с двух сторон и немного покатали. Прицепом я оказалась весьма исполнительным, и падала вместе со своими паровозами всего пару раз.

Целый день на свежем морозном воздухе, наполненный движением, скрипом снега, красотой заиндедеввших берез и покрытых искристыми шапками елей, великолепный закат, наступивший чересчур рано, по моим ощущениям... Все это примирило меня с действительностью, и на совместный вечер, намеченный в общей большой гостиной, я собиралась уже спокойно, и даже с каким-то вдохновением. Благо, что эти сборы подразумевали под собой лишь принять душ, высушить голову, да надеть чистые сухие брюки и свитер. Я даже слегка мазнула тушью по глазам и блеском по губам, чего уже не делала черт знает сколько времени. Ну, да, еще волосы слегка подкрутила: гулять, так гулять!

Зацепин присвистнул восхищенно, когда меня увидел. Хоть наши вещи и были сгружены в одной комнате, я все еще стеснялась, и марафет уходила наводить к Аньке. Под предлогом, что она должна мне помочь... Если едкие смеш-

ки и издевательства можно назвать помощью, то да, подружка мне помогла, бесценно. Сама-то она и макияж навела, и прическу сделала, и водолазка ее не столько грела, сколько ненавязчиво открывала все прелести. Прелестей у Малининой, к слову, до фига, чего бы и не показать? Только вот, она мне так и не призналась, ради кого все старания.

– Надя... Тебе очень идет такая прическа! И глаза... Они как-то иначе сейчас светятся... – надо отдать должное Зацепину, комплименты он говорить умеет. Если бы ляпнул что-то, вроде «ты сегодня такая красивая», получил бы моим утюжком для волос по морде. Потому как нельзя такие двусмысленные фразы никогда говорить.

– Спасибо, Вов, пойдем уже... – в отличие от парня, я принимать комплименты не научилась. Сразу стесняться начинаю, теряться, краснеть... Хорошо хоть, не оправдываюсь, что это ему, якобы, все показалось, а так-то, я просто голову вымыла.

Я была зверски голодна после активного отдыха на море, еду подавали хорошую и сытную, но напитки наливали чаще, чем удавалось что-нибудь съесть. Удивительно, но вся ватага показалась мне уже не такой и противной (а может быть, это мы все так быстро захмелели), и я довольно смеялась над шутками, даже участвовала в конкурсах дурацких каких-то. Меня совершенно не пугало, что буду выглядеть нелепой и смешной в глазах этих снобов и выпендрезников. Наверное, потому, что они сами дурачились от души,

нисколько не заморачиваясь, как выглядят, и что про них потом подумают.

Как мы дошли до игры в «бутылочку», один только бог знает. Бог виноделия, конечно же, ведь трезвыми в нашем возрасте такими вещами никто уже не забавляется.

Бутылочка крутилась, народ хохотал, когда приходилось целоваться девчонкам, парни, отчего-то, парней целовать отказались. Им позволяли перекручивать либо отдавать свой ход следующему. Наверное, особо опытные люди знали, как правильно пользоваться снарядом, потому как горлышко бутылки постоянно показывало на одних и тех же, самых популярных на курсе и в компании девушек, а я почти не попадала «под расстрел». Попав же, легко клевала губами везунчика, потом еще одного, на которого уже мой ход выпадет. Пару раз мы даже пересеклись с Зацепиным. В остальное время я расслабленно наблюдала за происходящим и весело смеялась над особенно смешными комментариями окружающих. Потом о чем-то задумалась, и перестала следить за событиями. Дружное «Ого!» застало меня врасплох, вырвав из раздумий и заставив нахмуриться. Все, отчего-то, смотрели на меня и хитро улыбались.

А, ну, понятно. Бутылочка снова выбрала мою незадачливую персону, а я и не заметила сразу. А нездоровое оживление было связано с тем, что с обратной стороны снаряда на меня пялился Хмелевский. Очень так непонятно пялился. То ли с угрозой, то ли с предупреждением. Как будто я на

него накинуть сейчас и съем, вместо поцелуя. И он пытается предостеречь: не надо, мол, подавишься, а не наешься.

Пришлось делать максимально независимый вид, что весьма сложно, когда в тебе несчетное количество алкоголя, и тянуться Хмелю навстречу.

– Ну, кто ж целуется, сидя на коленках? – вот же зануда. Всех устраивало, а этому – все не так. – Вставай, Игнатьева, и иди сюда.

– Вот еще, буду я к тебе бегать. – Встать-то я встала, но ни шагу к нему не сделала.

– Ну, сама виновата. – Влад не стал выделываться, сам ко мне подошел, просто перешагивая через тех, кто не успел посторониться.

Стоя вплотную, он навис надо мной. Оказывается, намного выше Вовки. С тем не приходилось закидывать голову так высоко. Я безропотно закрыла глаза и подставила губы: чтобы быстренько отделаться от этого выпендренника и спокойно усестись обратно. Все-таки, меня слегка покачивало, и сидячее положение было намного более надежным. А сейчас качнуло прямо к груди Хмеля.

Его губы коснулись моих, легко и почти неощутимо. Я радостно выдохнула и открыла глаза, считая, что долг перед отчизной исполнен.

– Ты что, Игнатьева, мухлевать решила? – Голос Хмелевского был громким, наполненным ядом и насмешкой. – Или просто не умеешь целоваться?

Ах ты ж, мать твою растак! В голове пронеслась какая-то нецензурщина. Трезвую, меня невозможно взять на понт. А вот нетрезвую – берите тепленькой.

– Нет. Я примерялась просто. Может... Может, ты сам ничего не умеешь, а меня обвиняешь? А? – и улыбнулась, дура такая, с победным видом.

– Ну, будем считать, что примерка окончена. А теперь – давай, показывай, на что ты способна!

А я не так уж на многое и способна, так-то. Правда, еще и не жаловался никто. Зацепин, уж точно, никак не мог от меня оторваться, каждый раз, как доберется.

Но это было что-то другое. То, что сейчас началось. Я, уязвленная насмешкой, сама потянулась к Владу, и даже попыталась изобразить инициативу. Ровно до той секунды, пока губы Хмелевского не захватили мои – сначала верхнюю, потом нижнюю, а потом... А потом я перестала понимать, что происходит. Не было такого, как обычно, ощущения, что вот я сейчас пошевелю губой, а потом этак, а теперь ответить надо на движения партнера... Не было такого еще в моей жизни, чтобы я перестала думать о том, что делаю, а просто потерялась. Наверное, наши рты что-то там делали сами собой, без нашего участия. Но вот, отчего начали коленки подкашиваться, а руки вцепились в шею Влада, и тело, дрожа, прильнуло к жесткому сильному телу, что стало сейчас единственной опорой... Это я потом осознавала, пытаюсь вспомнить. А в момент поцелуя просто наслаждалась волшебным

ощущением счастья, возбуждения, невероятной сладости, от которой оторваться невозможно...

– Эй, ребята, полегче! У нас тут приличная бутылочка, без всяких продолжений! Ты посмотри, что творят! – Как из тумана, донеслись возгласы. Не сразу я поняла, что они к нам относятся. А сообразив, попыталась оторваться от Хмелевского. Он, кажется, тоже пытался это сделать. Но получилось не с первого раза. Словно в омут, меня затягивали его губы, а еще руки, что давно уже обвивали все тело, вжимая во Влада, так плотно, что и миллиметра меж нами не оставалось...

– Влад, я думаю, Надя уже все прекрасно тебе доказала. Оставь ее в покое! – Вова, молодец такой, не выдержал: просто отодвинул нас друг от друга. Говорил с Хмелем, а вглядывался в меня. – Надюш, все в порядке?

Я лишь неуверенно кивнула в ответ, облизывая губы. Могла ли ему сказать, что забыла о наличии парня у себя, да и вообще, обо всем окружающем нас мире забыла?

– Вован, ты давай, тренируйся почаще с девушкой. Она у тебя голодная, как посмотрю... – Хмелевский, сволочь такая, говорил тихо. Только для нас с Вовкой. И смотрел при этом, глядя мне прямо в глаза. Словно окатил холодным ушатом. Ушло волшебство. Осталось лишь отвратительное унижение. И горькая мысль о том, что сказок не бывает. Даже таких коротких.

Глава 9

Легкое хмельное настроение ушло, как будто и не бывало его.

Чтобы не показывать никому, как сильно задел меня выпад Хмелевского, пришлось делать вид, что все нормально, и даже еще немного посидеть в общем кругу. Благо, что горлышко «снаряда» больше на меня ни разу не указало. Вова, спасибо ему за понимание, ничего не сказал. Ни по поводу самого поцелуя с Хмелевским, явно затянувшегося, ни по поводу той гадости, которой Хмель «наградил» меня напоследок. Он просто сидел рядом и тихо сопел. А может, и не в понимании было дело, а в его нежелании ссориться. Зацепин быстро разобрался с моим характером, и явно догадывался сейчас, что на любую претензию может получить что-то очень нехорошее в ответ.

Выбрав момент, когда народ о чем-то увлеченно заспорил и перестал обращать на нас внимание, Вовка тихо потянул меня за руку, увлекая из общего круга. Я не сопротивлялась. Наоборот, была очень рада, что появилась возможность тихо улизнуть.

Не сговариваясь, мы направились к выходу из общего домика, забрали одежду и, ни с кем не прощаясь, вышли на мороз. После душного, наполненного парами алкоголя и запахами еды, полутемного помещения, ночной воздух пьянил

не хуже любого вина. Снег хрустел под ногами, сквозь мохнатые еловые лапы неярко светили фонарики, почти незаметные из-за яркой полной луны и таких же ярких, колючих звезд.

– И зачем было нужно переться на эту шумную вечеринку, если на улице намного круче, правда, Вов? – мысль, пришедшая в голову, тут же была и озвучена. Мне, действительно, было бы намного комфортнее провести этот вечер, гуляя с Зацепиным по дорожкам базы, спрятавшись ото всех за большими сугробами, наваленными по сторонам, будто стены. И для здоровья полезнее, и никаких неприятных инцидентов.

– Да ладно, Надь. Ты и так, практически, ни с кем на курсе не общаешься, надо как-то вливаться в компанию... Я думал, у тебя настроение поднимется, наоборот... – кажется, мой парень, если он еще не передумал быть таковым, был расстроен похлеще меня самой.

– А почему ты мне, вообще, не дал по затылку, когда я полезла в эту бутылочку играть? Не жалко было, что я с кем-то посторонним буду лобызаться? – лучшая защита – нападение, конечно же. И лучше, если это нападение произойдет до того, как твой противник только подумает о чем-то подобном... В общем, я решила не ждать, пока Вовка на меня наедет, и наехала на него сама.

– Да... Как-то... – Противник растерянно почесал затылок. Даже шапка съехала на глаза. – У нас, вообще-то, не

принято направлять на занятых девчонок... А если уж и попал случайно – в щечку чмокнуть, это максимум.

– Не поняла... Что значит «принято – не принято»? Она же крутится сама, как повезет?

– Надя... Ты такая у меня... – Вовка неожиданно расплылся в улыбке, от уха до уха, сгреб меня в охапку и начал разглядывать. Вот, прямо-таки, влюбленно рассматривал. Каждую отдельную черточку изучал, будто впервые видел.

– Какая «такая»? – попыталась вырваться, сердито пыхтя. – Вот, что за привычка? Ему задаешь серьезный вопрос, а получаешь какую-то непонятную реакцию. Ты ж, вроде бы, не пьяный, Вов? Что так себя ведешь?

– Ты совсем неиспорченная! Просто кайфую иногда от твоих вопросов. Ты, разве, не знала, Надюш, что, при желании, можно правильно бутылку крутить, и всегда попадать на того, на кого тебе нужно? – Вован был почти счастлив от своего открытия. А я не могла понять, чему радуется...

– Хочешь сказать, что вся эта «рулетка», на самом деле, никакой случайности под собой не несет, и все выбирают тех, кого им захочется, а не как бутылка повернется? – я даже потрянула его за грудки, пытаюсь хоть так вернуть парню серьезность.

– Не все, конечно. Большинство – как и ты – искренне верит, что выбор происходит случайно. Однако, наши пацаны уже давно наловчились на этот выбор влиять. – Вова погла-

дил меня по щеке, улыбнулся снова. – Ну, что ты так расстраиваешься, Надь?

– Не люблю, когда играю с кем-то не на равных... – буркнула себе под нос, вывернувшись из рук парня, и тихо побрела вперед. Вовсе не будучи уверенной, что в нужном направлении бреду. Не станешь ведь признаваться, что меня оскорбила эта новость. Ладно, сегодня парни, видя рядом Вову, старались обходить меня стороной. Но ведь я и раньше, когда-то, в такие игры играла, и никакого Вовки не было тогда, и меня сознательно не выбирали?! В общем, решила я в неурочный час поковыряться в своей самооценке...

– Забей. Больше и не будешь играть. Я не пущу уже никогда.

– Ой, ли, чего бы это?

– Ну, знаешь, не хочу больше таких подстав! Вот не ожидал такой выходки... тем более, от Хмеля!

– Думаешь, он спецом на меня целился?

– Не думаю, а знаю. Слишком хорошо его повадки изучил. Одного не пойму – чего он так на тебя взъелся? Зачем приставал сначала, а потом решил оскорбить? – голос Вовы звучал задумчиво. Он, похоже, сам себе сочинил объяснение, а потом еще искренне в него и поверил.

Мдааа... Похоже, удачный мне подобрался кавалер, мы с ним, что два сапога – пара, но оба левые... Я в одних заблуждениях бултыхаюсь, он – в других. Неужели, он даже не допустил себе мысли, что в поцелуе с Хмелевским я тоже

несколько виновата? Вернее, участвовала так же активно и самозабвенно, что и сам Влад? Что ж, наверное, так для него и лучше. Буду совсем идиоткой, если стану разубеждать...

– Не того поля ягода. Вот и все причины. Не нравится твоему другу-мажору, что в вашу элитную компанию затесалась какая-то простушка. Еще и вякать что-то осмеливается, а не молчать, раболепно в глаза заглядывая. – Мне, если честно, тоже хотелось бы понять, почему этот Влад никак от меня не отвяжется. Не так уж сильно и доставала я его, чтобы так долго и настойчиво получать какие-то гадости в ответ. Но других объяснений, кроме как неравенство наших рангов, в голову не приходило. Можно было бы помечтать о тайной влюбленности, конечно... Особенно, после такого-то поцелуя! Но слова, после него сказанные, эту идею напрочь перечеркнули.

– Да ну, это на него не похоже, совершенно. Если Хмель кого-то считает ниже себя, то перестает замечать, в принципе. Смотрит, как сквозь стекло. А в тебе он что-то еще увидел, что-то, что его очень сильно цепляет... – Вовка, как будто, и со мной разговаривал, и в то же время – рассуждал вслух, сам с собой.

– Ну, вот и спроси у него! Это же твой друг, а не мой! – психанула, не выдержав такого его поведения.

Глава 10

Но Вовку, похоже, мало волновали подробности того, чем и как думает Владислав. Его другие моменты интересовали. Например, наша совместная ночевка, со всеми вытекающими. Он, конечно же, вслух мне об этом ничего не сказал, но всеми правдами и неправдами подталкивал к домику, где наша комната находилась. И все мои отмазки на тему, что хочется еще развеяться и погулять, с каждым разом отменялись все решительнее.

В конце концов, я поняла, что сопротивляться уже просто не имеет смысла, да и глупо выглядит. Ведь знала же, куда еду, и чем все это должно обернуться. И даже, наверное, сама хотела, в глубокой тайне от самой себя. Ну, сколько можно-то прятаться и убегать от нормальных, взрослых отношений? Если однажды не понравилось, это еще не значит, что уже не сложится никогда. Просто я тогда была слишком юна и глупа, а партнер попался... да лучше бы и не вспоминать того партнера. Два юнца столкнулись, одержимые каждый своей страстью: мне хотелось любви и ласки, а ему – секса, и побольше. Так бывает, когда у мальчика вовсю гормоны играют, а у девочки голова забита розовыми единорогами на радугах. В общем, своей дочери, которая у меня будет когда-нибудь, буду не романы о любви читать, а книги о подростковой психологии. Чтобы не путала божий дар и

яичницу, как я когда-то.

Не сказать, чтобы и сейчас у меня с гормонами случилось нечто невероятное, и прямо-таки не терпелось прыгнуть в койку к Зацепину... Но теперь меня эта перспектива немного волновала, и волновала приятно. И человек хороший, и ласки тоже хочется. Уже такой, настоящей ласки, а не придуманной на основе чьих-то романтических фантазий.

И, стыдно признаться, (но себе-то можно), поцелуй с Хмелевским что-то во мне разбередил. Такое, от чего сердце начало сжиматься в сладком предвкушении. Ведь если можно так забыться, только целуясь, то, что же будет происходить дальше?

Но стеснение побороть было сложно. Даже когда Вова приглушил свет в комнате, и вина налил (подготовился, жук такой, заранее, все предусмотрел), и помог усесться поудобнее на диване. По телевизору шло что-то легкое, не обременяющее мозг мыслями, вино было нежно-терпким, кусочки шоколада – правильного вкуса, не приторными, но и не очень горькими... Моя голова лежала у Вовы на плече, он нежно перебирал мои волосы, то аккуратно цепляя теплыми пальцами тонкую кожу за ухом, то спускаясь ниже, к шее. Это было безумно приятно, заставляло млеть, будто кошку, соскучившуюся по хозяйской ласке. Когда к рукам присоединились губы – такие же теплые, мягкие, нежные и неторопливые, мне, наконец-то, стало пофигу на оставшиеся моральные зажимы. И даже расхотелось думать, почему они меня

никак не отпускают. «В конце концов, Надя, когда-то же надо и расслабляться начинать, и жить не только своими закомплексованными мозгами!» Не знаю, что это во мне заговорило, потому как мозг себя точно так обозвать не имел права...

– Зацепин, а ты умеешь соблазнять, однако... – это я прошептала, когда он уже стаскивал с меня свитер, и зачарованно уставился на кружевные чашки лифчика. Что мартовский кот, смотрел голодными глазами... Спасибо Аньке, за один только этот восхищенный взгляд мужчины, я должна буду ей проставиться!

– С ума сойти! Надька, это ты умеешь соблазнять! – Моя ирония осталась незамеченной. Зацепин, реально, а не фигурально, даже губы облизал. Сглотнул, очень жадно. И даже не стал с меня кружево стягивать – прямо так, поверх него, и пристроился к груди. Сначала нежно и аккуратно, а потом все ощутимее и заметнее. Руки, в общем-то, от губ не отставали. Кружево, наконец-то, было стянуто. Вернее, просто сдвинуто вверх, чтобы время не тратить на всякие застежки-крюпочки-лямочки. А я, вот так бесстыдно оголенная, впервые не думала о том, чтобы прикрыться поскорее и выключить свет, а лишь бессильно откинула голову назад и наслаждалась ощущениями. Это было, действительно, невероятно. Мысли путались, и просто хотелось продолжения.

Трусики, которые были ничуть не менее впечатляющими, чем верхняя часть комплекта, Зацепин попросту не разгля-

дел. Может, и к лучшему, а то бы я его совсем потеряла, бедного. Он сделал проще – стянул их с меня вместе с джинсами, и закинул куда-то, даже не оглядываясь. Я лишь краем сознания отметила, в какой стороне потом искать вещички, а потом забылась в новых ощущениях.

Даже мой совсем небольшой опыт подсказывал, что у Зацепина нет никаких комплексов и заморочек в сексе. Он целовал, трогал и гладил меня везде, где ему казалось правильным и приятным. Даже там, где я бы сама себя никогда не догадалась погладить. Поцелуи и прикосновения, то неторопливо-ласковые, то жаркие и жадные, доводили до умопомрачения. Я, кажется, вела себя как настоящее бревно. Если правильно понимаю, что значит «бревно в постели»: не запрещала ему ничего, не сопротивлялась, но и ничего особенно не делала. Только цеплялась за его руки и плечи, и что-то несвязно шептала. Ну, еще прижималась всем телом, терлась об него. Потом стала неприятной одежда, которую с себя-то он снять забыл. Кажется, моя помощь была лишней, потому как наши руки запутались в его толстовке, потом футболку чуть не порвали. В конце концов, Зацепин прижал мои запястья к подушке над головой и приказал, чтобы не шевелилась. На мое возмущенное бухтение лишь ухмыльнулся в ответ, немного криво, и сказал, что так будет лучше нам обоим. Да, сам он разделся намного быстрее, чем это происходило с моей неумелой помощью.

Новые впечатления, от того, что теперь моя кожа прикаса-

лась к мужской, гладкой, горячей, просто обжигающей, новые ощущения на кончиках пальцев, которые вдруг захотели гладить, трогать, пощипывать, даже ногтями впиваться... Мне безумно понравилось ощущать, как Вовка отзывается на каждое мое прикосновение, даже самое легкое, словно перышко. Словно какое-то волшебство – слышать, как мужчина шипит и задерживает дыхание от того, что ты провела ноготками по его затылку... Я заигралась, кажется, и почти не заметила, как Вовка приступил к самому главному – проникновению в меня. Впился в губы, так, что в груди внезапно закончился воздух, и неожиданно ворвался туда, куда... Неважно, как и куда, но это было просто восхитительно. Мои глаза, слегка прикрытые раньше от удовольствия, широко распахнулись. И уставились в его глаза, внимательно смотрящие на меня. С непонятым выражением, будто впервые увидел.

– Ты как? – отчего-то, очень тихим шепотом спросил.

– Нормально, а ты как? – так же тихо ответила. Вообще-то, разговаривать я совсем не планировала в тот момент, но раз спросили – нужно ответить.

– Капец, Надька! Молчи лучше! Я сейчас ржать начну, как конь. И на этом все и закончится.

– Лучше сам молчи и не отвлекайся. – Можно было бы обидеться, но слишком уж неподходящий момент. Хотелось продолжения начатого, а выяснить отношения всегда успеется.

– Как скажете, как скажете, слово леди – закон. – Не знаю, отчего он, вдруг, разговорился в самый неподходящий момент. Выяснить не стала. Притянула его голову к себе и закрыла рот поцелуем. Кажется, впервые сама это сделала, а не целовала в ответ.

– Ух, ты, Надя...

И это, действительно, было «уххх!». Не буду вдаваться в подробности. Мне понравилось. Так понравилось, что после первого же раза я его никуда не отпустила, а потребовала повторить. Для закрепления успехов, так сказать. Чтобы точно знать, что мне не показалось.

Глава 11

– Ну, что?! Как все прошло?! – Анькины глаза горели от любопытства и предвкушения. Как будто я собралась тут ей подробности выкладывать. – Ведь не мимо же, правда?

Вообще-то, я просто сбежала к ней. Это ночью была смелая, отчаянная и откровенная, сама себя удивляла неугомонностью. Вовку, кажется, тоже немного удивила, но он был весьма доволен таким сюрпризом. А вот с утра, открыв глаза в невероятную рань, поняла, что дико, просто невозможно стесняюсь. Лежать вот так, голой, под одним одеялом с таким же абсолютно голым парнем, несомненно, приятно. Ну, правда: он такой горячий, мускулистый, прижимает крепко и сильно, во сне поглаживает по разным стратегическим местам... Разве это не может быть приятным, особенно, если ты по тактильным ощущениям дико истосковался? Если по-русски: Зацепин мог бы обойтись и без секса, а просто вот так сильно меня обнимать и гладить, и я бы тоже дико кайфовала. А тут, прямо-таки, джекпот: все удовольствия сразу. По идее, нормальная девушка должна бы совсем о другом раздумывать после ночи любви, а я вот думала о чем-то не совсем нормальном. Например, как я буду в лицо ему утром смотреть, как одеваться на глазах у мужчины, о чем разговаривать...

Короче, по-тихому выбралась из-под одеяла, доскакала на

цыпочках до ванной, там второпях оделась и позорно бежала в соседнюю комнату. Искренне веря, что там получится отсидеться, обдумать произошедшее и морально подготовиться к встрече к Зацепиным. И как объяснять свой побег, тоже надо было еще придумать.

Но судьба, в лице Малининой, рассудила совсем иначе. Анька, с ее бесконечным любопытством, была искренне рада меня видеть. Я бы, на ее месте, убила и отправила обратно такую подругу, что будит в выходной, после пьянки, да еще и в семь утра. А эта чудила, наоборот, только что не запрыгала от радости... А радость первым же вопросом и объяснилась. Похоже, подруга моя всю ночь не спала, ожидая, когда ж я принесу ей сводки с места событий.

– Анют, тебе, реально, не стыдно такие вопросы задавать?

– А что тут такого? Пффф... Если бы ты меня спросила... Да я бы и вопросов не стала ждать, ты же знаешь! – Аня расхохоталась сама над собой.

– А мне вот, знаешь ли, кажется, что это слишком интимные вещи, чтобы их обсуждать...

– Дура ты, Надька! Слишком редкие они у тебя, эти вещи, оттого и интимные! – подруга снова необидно хихикнула, толкнув в плечо. – Ну, раз не отпираешься совсем, значит, что-то да было. Лиха беда начало, как говорится. Да?

– Что «да»? – я, хоть и подорвалась в такую рань, соображала плохо. Не выпалась.

– Ну, начало положено, и прекращать ты не собираешься,

надеюсь?

– Вот же ты лиса, Малинина! Не мытьем, так катаньем стараешься от меня хоть что-то узнать?

– Ну, блин! Игнатьева! Тебе хоть понравилось? Не зря я тебя сюда поехать заставила?

– Понравилось, – вот никогда не думала, что мне так сложно будет обсуждать с подружкой первую ночь с парнем. Вроде бы, и не ханжа я, а язык не поворачивался на всякие подробности.

– Фффух! Ну, слава богу, у меня аж гора с плеч... – подруга весьма натурально и искренне выдохнула.

– А ты-то каким здесь боком? Причем здесь твои плечи? – может быть, я где-то потеряла пару извилин, но вот, совсем не поняла эту Анькину реакцию...

– Ну, вдруг, ты совсем не хотела этого, а я тебя сюда притащила, заставила, практически, с Вовкой спать... – если она и притворялась, ради какой-то дурацкой хохмы, то очень натурально. Так, что хотелось верить.

– Ты дура совсем, что ли? Как меня можно заставить? Ладно, Зацепин мог бы... Нет, он бы тоже не смог.

– А вдруг, тебе совсем другой кто-то нравится?

Я чуть воздухом не поперхнулась. Часто слышала про женскую логику. Очень часто. Искренне считала, что у меня она такая и есть – чисто женская. Но какая тогда у Аньки, если я ее понять вообще никак не могу, порой?

– Малинина, у тебя что, похмелье? – единственное нор-

мальное объяснение, что пришло мне в голову.

– Да причем тут это... – Аня досадливо поморщилась, – я же не пила почти ничего, так, больше за стакан держалась.

– А откуда такие идеи в твоей трезвой и выспавшейся голове?

– А чего ты тогда целовалась так с Хмелевским? – выпалила неожиданно и уставилась на меня, будто лампой, взглядом просвечивая.

– Э...

У меня было отличное настроение. На самом деле, отличное! Несмотря на стеснение перед Вовкой, несмотря на глупые вопросы подружки, какая-то радость и удовлетворение, словно пузырьки от шампанского, тихо переливались и лопались внутри. Ровно до этого момента. Хмелевский. Чтоб его черти драли!

– Что «э»?

– Это реально выглядело так, словно я к нему неравнодушна? – мучительная краска стыда залила мне лицо и даже уши, кажется.

– Да фиг знает, как это выглядело. Народ больше ржал сначала, а потом ошалели все. Вы такие горячие были, Надька, что я, прямо-таки, засомневалась: а каким здесь боком Зацепин?

Я закрыла лицо руками. Странно, что Вовка так спокойно отреагировал, если все было так, как говорит Аня. Мог бы и Хмелю по зубам настучать, да и мне что-то высказать,

похлеще... А он, как слон или бегемот, не знаю, у кого кожа толще: спокойно нас отвел друг от друга и почти претензий никаких не высказывал. Или ему настолько безразлична ситуация, что не стал и беспокоиться? Главное, Надю затащить в кровать? А Надя, дура такая, радовалась еще, и просила побольше, да побольше...

– Да не парься ты так, Надюх! – Малинина, кажется, поняла, что со мною происходит, и решила морально поддерживать. – Это ж я такая внимательная, потому как следила с интересом. Остальные, думаю, посмотрели, офигели, да и забыли потом, сразу же, как вы друг от друга оторвались.

– А Вовка? Он что, без интереса следил? – этот вопрос меня, кажется, больше всего волновал сейчас.

– Скажешь тоже! – Подруга опять оживилась, даже встревоженные глаза повеселели. – Я его просто придержала немного за руку, чтобы не лез и не мешал...

Пауза. Долгая такая пауза, в течение которой я внимательно рассматривала даму, что сидела сейчас передо мной. Кажется, я ее вообще никогда не знала. Или что-то случилось в моей голове с шестеренками. Они отказывались двигаться, напрочь.

– Ну, что ты так уставилась на меня, в конце концов? – Малинина пожалала плечами, недоумевая. – Если он пустил тебя играть в эту бутылочку дурацкую, то нефиг лезть и мешать, когда уже процесс пошел. Что, нужно было дать ему возможность опозориться? И тебя опозорить тоже? В конце

концов, ты же не корова какая-то, которую привели на поводке, и с этого поводка не спускают?

– И вот у тебя, действительно, такие мысли бродили в голове? Прямо так логично размышляла?

– Нет, конечно же! Мне хотелось посмотреть, как он от ревности бесится! Скажешь тоже, Надь! В мужчинах надо искру разжигать и поддерживать, чтобы она горела ярким пламенем. А то, смотри-ка, слишком просто ему все дается с тобой. Никакой интриги, понимаешь ли...

Я забралась на кровать уже с ногами, чтобы удобнее было смотреть на подругу. Кажется, она в состоянии удивлять меня бесконечно...

– Малинина, признайся честно: зачем ты Вовку удерживала?

– Что, не поверила моим отмазкам, да? – она улыбнулась обезоруживающе. – Я их ночью уже придумывала, чтобы совесть свою успокоить. Но не прокатывает, кажется.

– Ну, так в чем дело?

– Да интересно мне стало посмотреть, что выйдет из этого поцелуя. Вдруг, у вас настоящая любовь с Хмелевским? Он же к тебе, явно, неровно дышит. Надо было дать вам шанс...

– Ань. Мне кажется, тебе пора свою личную жизнь устроить. Чтобы не было лишних фантазий по поводу моей. Я же человек живой, между прочим, а не героиня сериала! – Что делать с этой чудилой, мне вообще не приходило в голову. Похоже, она свои поступки обдумывала чем-то неправиль-

ным. Точно – не головой.

– Знаешь что, Игнатьева! – подруга обиженно надулась. – Только я за твою жизнь и переживаю...

– А!!! Вот ты где спряталась! Так я и знал! – неприлично громкий и довольный голос Зацепина прервал Аньку на середине фразы. Что она хотела еще сказать, так и осталось тайной.

Глава 12

Правда, интерес к словам подруги у меня пропал, моментально. Если до прихода Вовки я краснела от некоторых нескромностей Ани, то теперь уже совсем предательски заалела. Даже и не знала, что моя система кровоснабжения может столь качественно реагировать на сигналы мозга. Или я просто не стеснялась еще никогда так мучительно. Не знала, куда глаза девать. Поэтому, лишь глупо пялилась на Зацепина, ожидая, что он еще скажет. В надежде, что придумаю, как правильно среагировать...

– А ты чего сбежала-то, в такую рань? – он подошел, обнял, усевшись рядом на кровати, и по-хозяйски чмокнул в щеку. Так, словно каждое утро так делал.

– Не хотела тебя будить. Проснулась, ты еще крепко спишь, а я бы своим шебуршанием тебя потревожила. – Объяснение нашлось легко, как ни странно.

– А я бы, может, был рад такой побудке? А? – Зацепин светился. Просто сиял. Если бы не видела своими глазами, ни за что бы не поверила, что так бывает...

– А ты поздороваться не хочешь с окружающими, а? Герой-любовник... – это Малинина, похоже, устала наблюдать за нашей воркотней.

– Здравствуй, Аня! – этот клоун даже попытался изобразить приветственный поклон, что выглядело немного стран-

но из положения сидя.

– И тебе не болеть, Дон-Жуан – горемыка! – Анька, тоже не вставая, изобразила подобие реверанса.

– А че это, горемыка-то сразу, а? Надь, почему она меня обижает? – кажется, Вове сейчас было фиолетово на все, как бы его не обозвали. Сделал вид, что насупился, а сам продолжал сиять, будто медный грошик.

– То. Плохо старался. Если у девушки утром силы нашлись, чтобы от тебя к подруге удрать. – Аня и раньше поражала меня своей прямоотой, но сейчас, кажется, начала перебарщивать.

– А я вам не мешаю, товарищи? Может, пойду, досплю пока, а вы дальше обсуждайте... – неопределенно помахала рукой, не зная, какое подобрать приличное слово.

– Нет, Надь, мы сейчас вместе пойдем. Чтобы у Ани ко мне претензий не было. – И он потянул меня за рукав, поднимая вслед за собой.

– А почему тебя волнуют Анины претензии, а не мои?

– А у тебя они тоже есть?

– Нет... – вот же, повезло мне связаться... Что одна, что другой – палец в рот не клади, откусят, вместе с ладонями, и добавки попросят.

– Вот поэтому твои и не волнуют. Все, пойдем, Надь. С Аней потом поговорим, если у нее появятся еще вопросы. А я по тебе уже соскучился.

И утащила меня из соседской опочивальни. Так и не успела

я сказать спасибо Малининой за отличный подарок в виде потрясающего белья...

Кто бы сомневался, что Зацепин проснулся и возжелал продолжения. Мало ему было ночью... Честно говоря, и мне тоже хотелось повторить постельные подвиги. Только вот, смущало, что ночь уже прошла, по домику, в котором жило еще несколько человек, кроме нас, начали бродить обитатели, за окнами тоже раздавались человеческие голоса... И того ощущения, что мы одни на белом свете, накрывшее так недавно с головой, уже не возникало.

– Ну, так ты признаешься, почему сбежала, Надь? – оказывается, Вовка не очень поверил в ту отмазку, что я на ходу сочинила и выдала. Он продолжал настаивать на честном ответе. Руки, правда, занимались чем-то совсем другим: они меня отвлекали, совращали, сбивали с толку. Лапал он меня везде, где только можно, если проще сказать. А мне это нравилось, между прочим. Когда большие, горячие, сильные мужские ладони прижимают тебя к такому же горячему и сильному телу, кому это может не понравиться? Я таких не знаю.

– Подумала, что ты меня уже и видеть не захочешь. – Вот. Доотвлекалась. Выдала свой самый главный страх, даже не успев подумать, что мои губы говорят.

– О как. – Зацепин даже прекратил совращение, на время. Взял меня за плечи, отодвинул чуть дальше от себя, прямо в глаза уставился. – Это с чего бы, интересно, такие любопыт-

ные идеи взялись?

– Ну, как... Переспал, галочку поставил, можно и забыть. Так же обычно у парней бывает? Или нужно пару галочек? – Ну, раз он захотел выяснить все подробности моих утренних умозаключений, отчего бы и не порадовать парня?

Зацепин даже руки от меня убрал. На лицо какая-то тень набежала.

– Ты где этих бредней поднабралась-то, Надь? Какие галочки, о чем ты?

– Нигде. Я до сих пор жду от тебя подвоха. По идее, для него сейчас самое время... – говорила, и сама себе ужасалась. То, что в мыслях выглядело стройным и логичным, произнесенное вслух, звучало полной белибердой.

И ... нет, уходя утром из комнаты, оставляя Вовку в горячей еще постели, я ни о чем таком вовсе и не думала. Стеснялась просто, не знала, как себя вести, когда он проснется. А вот после разговора с Анькой, вспомнив, что никакой особой ревности не заметила, хотя любого мужчину должен был бы взбесить мой поцелуй с Хмелевским... если, конечно, этому мужчине я хоть немного интересна... Мои мысли свернули совсем в другом направлении. И теперь я откровенно сомневалась в том, что Вова захочет продолжения отношений. По идее, если он хотел чего-то от меня добиться, то все уже получил. Не белье же мое он стырит, в качестве доказательства, что «все было»? Это был бы уже совсем моветон. У них в компании, вроде бы, друг другу на слово ве-

рят...

Если коротко, то в головушке моей бушевала пыльная буря из каких-то подозрений, не до конца оформленных мыслей, сомнений в себе и во всех вокруг... Иногда прояснялось, и возникала уверенность, что зря я себя накручиваю, и Вовка – просто отличный парень, мною увлеченный. Но эти ясные моменты очень быстро заканчивались. На их место приходил очередной подозрительный бред.

Зацепин вздохнул, тяжело и как-то очень устало... Снова обнял меня. Правда, уже без всякого сексуального подтекста. Просто прижал к себе, укрыл руками и ладонями, словно от всего мира прятал.

– И что же я должен сделать такого, интересно, чтобы ты мне начала верить, Надь? – спросил задумчиво. То ли со мной говорить пытался, то ли просто мысли вслух озвучивал. – А еще мне любопытно, чем я заслужил такое недоверие, если ничем плохим еще не отличался? Или отличился, а, Надь? – Теперь, он, все-таки, отодвинулся и снова попробовал заглянуть мне в глаза.

А я... я прятала взгляд и не знала, что ответить. Ведь никаких конкретных претензий и не было у меня. Кроме интуиции и общепринятых стереотипов, что «такие», как он, с «такими», как я, никогда серьезно не встречаются.

– Тебя вчера вообще никак не задело, что я с Хмелевским целуюсь? Вернее, что он так долго и настойчиво меня целовал? – исправились на ходу, но не знаю, дошла ли до Вовки

разница в акцентах.

– Боже мой. Так вот в чем дело? – Зацепин выдохнул, облегченно и радостно. – Надь, серьезно, ты мне сейчас только что доказала, что женщину нельзя одну оставлять надолго. Она обязательно что-нибудь себе придумает.

– Я не одна была. – Буркнула недовольно.

– А если оставить с подругой, то это совсем беда! Две женщины, оставленные без мужчины, могут небольшую победоносную войну развязать и выиграть. А мужчина об этом даже не догадается.

– Очень смешно! Сам придумал?

– Конечно, нет. Интернет мне на что, по-твоему? – мы оба ощутило расслабились, хоть я и продолжала делать вид, что недовольна. Вова уселся на диван, меня к себе на колени притянул, снова взялся за соблазнение.

– Ты не ответил на вопрос, между прочим. – Отбилась от особенно настойчивого прикосновения рук и губ. – Не думай, что мозги мне запудришь. Сначала договорим, а потом уже совращай меня. Если, конечно, твои аргументы будут убедительными.

Зацепин рассмеялся. Прямо теплыми губами мне в шею. Так, что побежали мелкие и очень приятные мурашки, и все тело подобралось в приятном предвкушении.

– Надь, я говорил, что ты потрясающая? – так и говорил, не отрывая рта от моей кожи. Звучало не очень внятно, зато коже понравилось, очень.

– Вов, даже твоя манера не отвечать на прямо поставленные вопросы – повод в тебе сомневаться. – Я попыталась вырваться из его цепких и соблазнительных лап. Потому как, мысли уже начинали путаться и сбиваться. И я была совсем не уверена, что если сейчас прекратить разговор, то потом когда-нибудь вспомню, о чем он был, в принципе...

– А если я не знаю, что тебе ответить, Надь? – соблазнитель мой, на змея совсем не похожий внешне, наконец, прекратил искушение, и заговорил нормально. – Скажу, что ревную дико – ты наедешь. За то, что ревность – это неправильно, и ты мне не собственность, чтобы права предъявлять. Скажу, что не ревную – получу сразу в глаз, в этом нет никаких сомнений. Вот и думай, что лучше: получить по морде и тебя обиженную, или просто обиженную и недовольную тебя?

– А ты не думай. Просто скажи правду. Как есть, так и скажи. Сам же видишь, исход будет практически одинаковым. В глаз могу тебе зарядить, если хочешь, при любом ответе. Чтобы не было обидно за неверный выбор. – Я сама не знала, что бы хотела услышать в ответ. Что меня больше обрадовало бы... Но ответ услышать было необходимо, а не эти подозрительные отговорки.

– Я обалдел в тот момент. Настолько, что просто смотрел на происходящее и не верил. Думал, что мне кажется все это. Так же не бывает, Надь, чтобы твоя девушка с твоим другом целовалась по-настоящему.

– И сейчас не веришь? Решил, что почудилось все?

– Надь, ты хочешь разбудить во мне зверя, да? Ревную я тебя, до усрачки ревную! Каждый раз, как напоминаешь об этом, хочется Хмеля пришибить, а тебя...

– А что меня? – очень любопытненько стало. – Продолжай. Удавить, как Дездемону, да?

– А тебя затрахать. Видно, плохо постарался ночью, раз тебе эти мысли в голову до сих пор лезут. Надо повторить процедуру, тебе не кажется?

Не убедил. Совсем. Явно, что-то недоговаривал. Но я решила, что на этот раз будет вполне себе достаточно расспросов. Что бы моя голова себе ни придумала, молодой и здоровый организм сейчас требовал, чтобы Вовка повторил. Много раз повторил. Глядишь, помогло бы, и голова занялась бы какими-то другими проблемами. Зря меня, что ли, Анька попрекала в редкости постельных утех? Может, и права она, вместе с Зацепиным...

Глава 13

Мы увлеклись. Очень увлеклись. Настолько, что забыли о том, что на улице давно уже день, и что надо бы попасть на завтрак или, хотя бы, на обед. Не пришло нам в голову и то, что на сегодня планировались какие-то общие групповые забавы на свежем воздухе, и не только. То ли на лыжах должны были массовый забег устроить, то ли с горы кататься на ватрушках и санках...

Нам было совсем не интересно, что там за стенами происходит, и не хотелось к этому миру возвращаться, вот ни-сколечко.

Ближе к вечеру, голодные желудки объявили отбой постельным забавам. То есть, мы с Зацепиным проснулись, практически одновременно, и почти синхронно решили, что пора идти на добычу еды.

Так и брели с ним, взявшись за руки, словно два влюбленных школьника, по спрятанным в сугробах аллеям, на свет путеводной звезды. К горящей надписи «Ресторан», естественно. Туда, где нас и ранее кормили, поили и развлекали сотрудники этой замечательной турбазы.

Мне, залюбленной и заласканной Вовкой, в тот момент вообще все на свете казалось милым, чудесным и замечательным. И пусть здравые мысли, порой, где-то просачивались, на заднем плане, я от них просто отмахивалась. В кон-

це концов, что изменится, если я позволю себе еще один лишний день побыть счастливой и как будто бы даже любимой? Если Зацепин окажется не милым котиком, а серым козленком, или, хуже того, козлицем, то больно будет... Будет очень больно, независимо от того, сколько дней я упивалась его обманом. Так себе, конечно, размышления, сильной и взрослой женщине подходящие слабенько. Но даже сильные взрослые женщины, порой, вспоминают, что они еще совсем юные и любви хотят. Пусть даже такой, не совсем понятной.

– О чем думаешь? – Вова, не привычный к моему молчанию, начал беспокоиться уже через несколько минут после выхода на улицу.

– О том, что ты бессовестный, Вов! – конечно же, ни за что бы не призналась, чем была моя голова забита.

– И снова здорОво! – Зацепин даже остановился, меня за руку дернул, чтобы лицом к себе повернуть. – Чем я опять провинился, скажи мне, милая?

– Чем-чем! Голодом меня морить удумал! Почти сутки уже ничего не ела. А физические нагрузки были – ого-го! О какой совести может идти речь, после такого отношения?

– Черт. Надюх, вот умеешь ты напрячь... – ему полегчало, очевидно. Вова снова тронулся в путь, и меня потащил, словно на буксире. – Я уж думал, ты опять себе насочиняла каких-то грехов, о которых я даже не в курсе. Но виноват априори.

– Их сочинять не нужно... Сами наружу лезут... – эту фразу я вслух не сказала. Ссориться и терять такое радужно-игривое настроение, что было редкостью для меня, совсем не хотелось. С разборками еще успеется.

Наше появление в холле общего здания, где находился ресторан, встретило радостное улюлюканье, а потом и вовсе – аплодисменты.

Мы с Зацепином замерли на месте, начали удивленно оглядываться по сторонам. Вроде бы, никаких подвигов совершить не успели, чтобы получить такой радостный прием...

– Ребята, поздравляю! Вы – рекордсмены! – нам навстречу шел улыбающийся Тема – главный заводила и балагур на курсе. Вот просто сиял от счастья и радости. Нам бы так...

– А в чем, собственно, дело? – Вова первым задал вопрос, когда Темка обнял его и по плечу похлопал, несколько раз повторив поздравления...

– Да мы тут полдня уже подсчеты ведем...

– Какие подсчеты, Тем? Не тяни уже кота за... Ни за что не тяни, неприлично это. – У меня в голове вихрем пронеслись предположения, что же эта банда могла такого считать, в чем мы с Вовкой стали победителями. Ничего хорошего, конечно же, на ум не приходило.

– Да вы уже снимайте куртки, проходите. Все уже собрались в зале, всюю развлекаются, только вы – последние, – и

на этой фразе Артем снова ухмыльнулся. Наверняка он думал, что загадочно, а мне показалось, что мерзко.

Аппетит, что казался мне волчьим, думала, кабанчика зажаренного съесть, испарился. Исчез начисто. Ничего хорошего нельзя было ждать от этих людей.

– Нет. Сейчас объясни, что происходит. Иначе, мы развернемся и уйдем. Не хочу быть ничьим посмешищем.

– Да брось ты, Надь. Поверь, тебе все завидуют, и Вовке – тоже. Если и пошутит кто, лишь по-доброму... – Улыбка Артема, несмотря на наш совместный угрюмый вид, нисколько не потускнела.

– Я тебя не больно съем, говорил волк Красной шапочке... Нет, Артем, доброте из зависти я, отчего-то, не верю.

– Тем, хорош уже говорить загадками. Надя редко в нашей компании бывает. Она не привыкла к таким приколам. Давай, рассказывай, что там у вас происходит. – Тут уже Вовка вмешался. Понял, видимо, что ничем хорошим этот разговор не закончится, если я не узнаю сути.

– Блин, что ж вы такие скучные-то... Зацепин, это на тебя так Надька подействовала, да? – Догадавшись, что отмазки уже больше не прокатят, Темка вздохнул. – Да все просто, на самом деле. Сегодня все парочки из своих номеров начали подтягиваться после обеда. В отрыв ушли не по-детски. Ну, а мы, одинокие волки, тихо завидовали и ставки делали, кто дольше всех продержится. Вы победили в этой гонке из опоздавших.

– И какие были ставки, интересно? – Хмурое лицо Зацепина ничего хорошего не предвещало. Видимо, неприятно оказалось быть на месте потерпевшего, а не со стороны насмехающихся. Жаль, конечно, что с моей помощью он почувствовал все прелести, но ничего не поделаешь: за пряники всегда приходится платить...

– Я всех угощаю шампанским. Причем, ставлю столько, сколько люди потребуют, без ограничений.

– А от нас что требуется? – это я уже встряла. Показалось, что не так все и страшно, как могло бы быть.

– От вас – ничего. Продолжайте наслаждаться отдыхом и постарайтесь никого не убить. Ну, лица, хотя бы, попроще сделайте, что ли... Зашли-то сюда вон, какие счастливые. Мы ж вам обрадовались искренне. Кто-то уже переживать начал, не пора ли за вами гонца пустить. Проверить, живы ли.

Что-то в его словах было похоже на правду. Или я уже просто устала во всем искать подвох, как только попадала в эту веселую компанию. Как бы то ни было, кивнула молча и пошла к гардеробу, на ходу снимая шарф и шапку. В помещении было жарко, и я упрела уже, за долгими разговорами...

Мы раздевались, наверное, целую вечность. Скорее всего, Вовке тоже не сильно хотелось быстро попасть в толпу издевающихся идиотов. А в том, что мы услышим не только добрые напутствия и наставления, сомнений не возникало.

Однако же, бесконечно стаскивать с себя пуховики и варежки невозможно. Пришлось отряхнуться, встрепенуться и, взявшись за руки, гордо пойти навстречу. Ну, а что? Когда тебя кто-то за руку держит, многое пережить становится проще.

– Ну, вы молодцы, ребята!

– Такими темпами, скоро на свадьбе погуляем...

– Да ладно свадьба, не появилось бы нового мини-Вовчика или мини-Наденьки, такими темпами...

– Ребят, вы там предохранялись, надеюсь? Рано еще рождать, надо закончить универ...

Радостные возгласы неслись к нам с разных сторон, громкие и не очень, женские голоса раздавались не реже, чем мужские... Гадостей, кстати, девочки чаще произносили.

– И вам здравствуйте, дорогие однокурсники! Мы рады, что вы про нас помнили и скучали! – Зацепин, молодец, сообразил, как реагировать. Нашел нам у стола свободное место, выдвинул мне стул, помог усесться, рукой подозвал официанта. И только потом продолжил общаться с товарищами. – Если у вас есть какие-то вопросы, то, пожалуйста, оформите в письменном виде, соберите в общую папочку и отправьте по почте. Мой домашний адрес, если что, имеется у нашего старосты. Он вам обязательно его сообщит. Рассмотрение обращений, как полагается, в течение десяти рабочих дней.

Народ притих немного, понимая, что сейчас им узнать по-

дробности никак не светит.

– А если есть какие-то претензии, они принимаются точно в таком же порядке. – Этой фразой Вова окончательно отбрил желающих продолжить веселье за наш счет.

В общем, все оказалось не так уж и страшно, как я уже себе напридумывала. Отбилась бы, конечно, как-нибудь. Или вместе со всеми ржала бы над собой. А куда деваться? Если не можешь победить – возглавь. Но осадочек от того, что наше личное, сугубо интимное дело так сильно волновало окружающих, остался. И ничего с ним поделать было невозможно.

Поняв, что мы не собираемся забавлять толпу, однокурснички потихоньку прекратили обращать внимание на нашу пару. Даже позволили спокойно поесть, лишь время от времени переговариваясь о чем-то, не очень важном. Народ потихоньку разбился на группки по интересам, благо, что возможности позволяли: кто-то играл в бильярд на двух русских столах, больше валяя дурака, чем действительно забивая шары в лузу, кто-то побрел курить кальян, часть компании ушла в отдельную комнату, петь караоке. Даже сквозь толстые, плотно закрытые двери оттуда доносились какие-то жуткие завывания. Для себя решила, что туда, уж точно, ни за что не пойду, даже если напьюсь до поросячьего состояния.

Малинина подбежала, чтобы поздороваться, перебросилась парой слов, подмигнула мне и показала большой палец

за спиной Зацепина. Что это означало, ведомо только ей, но мне, отчего-то, стало веселее. Расспросить о тайных знаках я Аньку не смогла: она усвистала, вместе со стайкой девчонок, то ли в кальянную, то ли в баню. А может, и еще куда-то. Потом расскажет, никуда не денется.

А вот мы с Вовой, спокойно поужинав, так и не смогли определиться, к кому же хочется примкнуть. Если по-хорошему, то очень хотелось вернуться в нашу комнату и там поспать по-человечески. Просто поспать. Во все остальное днем уже наигрались, и сил больше не было. Но мы решили, что уйти сейчас вдвоем – это нарваться на еще одну порцию насмешек, от которой придется отделяваться еще весь второй семестр. А то и больше. Зависит от сенсаций, которые могут появиться или не появиться на нашем курсе. Пришлось мирно присесть на диванчик в уголке, взяв по бокалу шампанского, которое сегодня рекой текло в нашу честь. Глупо было бы от него отказываться. Уединиться нам, правда, никто не дал. Постоянно кто-то подсаживался, чтобы поболтать о ерунде и о погоде. Больше-то, наверное, всем хотелось посмотреть на нас с Вовкой, но виду никто старался не подать. Я уже начала привыкать к нашему званию «Мисс и Мистер популярность вечера», и шампанское в том играло немалую роль... В целом, вечер оказался вполне приятным.

– Я смотрю, ты меня послушал, Вован. И правильно. Для хороших девочек нужно хорошо стараться. – Голос из-за спины, наполненный издевкой и ядом, хоть и тщательно за-

маскированными, всю приятность у вечера отобрал.

– Хмель. Твоего совета никто не спрашивал. Отвали ты уже от нас, а? – Вова старался казаться пресыщено-усталым. Но глаз у него прищурился очень недобро. И ярость скрыть никак не получалось.

– Хмель... – тут уже и я не выдержала, вмешалась. – Он же, как плющ, ко всем цепляется, что на дороге попадет. – Развернулась, чтобы прямо посмотреть в глаза парню. – Но я бы тебя назвала дубом!

– С чего бы это? – две пары мужских глаз смотрели одинаково заинтересованно.

– Да потому, что веники из дуба чаще всего оставляют листы на ж... Прилипают, короче, сильно. Фиг отмоешь...

Глава 14

Да, грубо, да, на грани... Но, в конце концов, как еще говорить с человеком, который по-хорошему не понимает? Я бы и матом, наверное, могла уже выразиться, чтобы точно указать направление, в котором Хмель должен пойти. Но сама себе не позволила. Неизвестно еще, кто из нас опытнее в этом деле. Можно в ответ услышать нечто такое, от чего самооценка упадет и не встанет никогда.

– А ты, как я посмотрю, в теме, да? – Хмелевский не расперялся, хоть и видно было, что мой выпад ему неприятен.

– В теме чего? Того, что ты от нас никак не хочешь отделаться?

– В теме жизни деревенской. Там же, наверняка, моются только в бане, да раз в неделю, по субботам? А все остальное время только студеной водой из колодца лицо ополаскивают? Слышь, Вован, зачем тебе девушка из деревни? Нравится быть проводником в цивилизацию? – Это Влад уже на Зацепина переключился.

Вова смотрел на друга внимательно и молчал. Так, что не только я, но уже и Хмель начал нервничать.

– Влад, я, кажется, тебе вчера еще сказал, чтобы ты оставил нас с Надей в покое. Что в моих словах тебе не понятно?

– А я вас, разве, побеспокоил как-то? – надменно приподнятая бровь на лице Хмеля должна была показывать, что ему

на Вовкины слова абсолютно пофигу. В общем-то, он всем видом своим демонстрировал, как сильно он плевал на всех вокруг. Только одно непонятно было: если ему весь мир настолько не интересен, то почему он постоянно цепляется к нам? Вернее, ко мне?

– А ты считаешь, что твои слова нам были приятны? – Зацепин, похоже, начинал психовать. Это, между прочим, выглядело интересно: я Вовку психующего не видела еще никогда...

– Мне кажется, ни одного оскорбления не было произнесено. Или то, что твоя девушка из деревни, кого-то из вас оскорбляет?

– Влад, пойдем-ка, обсудим с тобой некоторые детали. Не хочу, чтобы Надя слышала, какие нехорошие слова я могу произнести.

– Господи! – Хмелевский издевательски поднял очи к небу. – Вован, ты че, на разборки меня зовешь? Не вырос до сих пор из этих глупостей?!

– А ты, значит, можешь только девушек обижать и унижать, а с парнем наедине поговорить боишься? – это я не выдержала, вмешалась.

Хмелевский смерил меня тяжелым взглядом, презрительно поджал губу, показательно вздохнул:

– Ну, пойдем... Расскажешь мне, что тебя не устраивает в моем поведении.

Я внимательно наблюдала за обоими. Вообще-то, пора бы-

ло начинать волноваться. Хотя бы потому, что из-за меня сейчас, наверное, будут парни драться. А если даже не драться, то разговаривать на повышенных тонах, чересчур повышенных. В моей жизни еще ни разу такого не было. И это первый повод для волнения. Второй – здоровье Вовки, моральное и физическое. Я же не знаю, кто из них лучше дерется... В том, что Хмель язвит и оскорбляет намного успешнее, чем Зацепин, я уж точно не сомневалась. Иначе, давно уже был бы послан подальше и ушел, не оборачиваясь.

Но волнения, отчего-то, не было. Скорее, недоверие к тому, что все это реально творится на моих глазах. И любопытство: чем все закончится-то? И еще одна поганая мыслишка: а вдруг, это опять спектакль разыгрывается? Специально для меня, обиженной еще вчерашним равнодушием Вовы?

А за ней следующая: какого хрена, Надя? Вот какого, скажи, хрена ты продолжаешь этим заниматься? Либо определись, что ты не веришь Зацепину, собирай удочки и вали отсюда, и никогда больше с ним не имей общих дел. Либо, наоборот, прими за истину, что он – отличный парень, настроен к тебе весьма решительно, и никаких подвохов за душой у Вовки нет.

А так как определиться я в тот момент не могла, слишком уж мне Вова нравился, и уезжать без него совершенно не хотелось... Решила, что пусть уже идет себе, разговаривает, а я за него здесь буду переживать.

– Вов, ты там поосторожнее, пожалуйста, ладно? Я буду

волноваться.

– Не бойсь, Игнатьева, я его в живых оставлю. Уголовных дел мне из-за тебя только не хватало. – Хмелевский, конечно же, не мог не вставить свои три копейки.

– Надь, мы просто поговорим серьезно, один на один. Не переживай.

Вовка демонстративно обнял и поцеловал меня, а потом ушел куда-то, вместе с Хмелем. Странно все это выглядело. Будто я сейчас отыграла какую-то сцену дурацкую в спектакле.

Сидеть одной на диванчике, пусть и в очень уютном уголке, мне, как ни странно, понравилось. Может быть, потому, что очень хотелось побыть наедине со своими мыслями, чего уже вторые сутки никак не удавалось сделать. Для приличия, открыв новостную ленту в телефоне, бездумно листала страницы, а сама переваривала все, что за эти дни со мной произошло. Получалось плохо: мысли, то и дело, соскакивали то на наши с Вовкой злоключения в виде Хмелевского Влада, то на приключения в постели, от воспоминаний от которых становилось сладко и жарко.

– Надь, а че ты одна-то здесь прозябаешь? Пойдем с нами, в мафии народа маловато... – Это девчонки выскочили, Танюха с Валея, мы с ними не ссорились и не дружили. Потому и удивителен был интерес. Но, кажется, я начала искать подвохи везде, даже там, где их никогда и не было.

А мафия – моя любимая игра. Еще со школьных времен

обожаю. Грех было отказываться от такой возможности поразвлечься. Даже не пришлось притворяться, что рада приглашению.

Мирных горожан отстреливали, как нефиг делать. Доктор пытался кого-то спасти, но все время промазывал. Народ, обсуждая «утром» потери в рядах, веселился и стебался, кто как мог. Шампанское, конечно же, раскрепостило самых угрюмых и невеселых. Мне не очень повезло: выпала карточка простого жителя. Так не интересно. Гораздо веселее быть мафиози, но при этом громче и увереннее всех настаивать на своих подозрениях. Тем не менее, я тоже веселилась и даже отвлеклась от мыслей о своих личных проблемах. Прошел не один круг таких прений, прежде чем вспомнила, что Вовка-то еще не вернулся... И вот тогда я серьезно занервничала. Начала подпрыгивать и оглядываться, переживать... За что и была почти моментально выведена из игры. Кто-то очень внимательный заметил, что я веду себя как-то непонятно, и решил, что так себя могут лишь преступники вести. Остальные его поддержали. А я и оправдываться не стала особенно: слишком уже хотелось бежать и разыскивать Вовку. Даже не задержалась, чтобы посмотреть, кто же, на самом деле, играл за мафию. Не до того было. Реальный мой разбойник где-то пропадал...

Обошла сначала все помещение, где Зацепин мог остановиться, начала с диванчика, на котором была им оставлена. Никого не нашла. На звонки он не отвечал, конечно же, в

лучших традициях всех потеряшек. Я уже начала по-настоящему нервничать, когда увидела знакомую спину.

Там, где ни за что бы не придумала искать: у стойки бара. И, конечно же, рядом стояла еще одна очень знакомая спина...

Глава 15

– Вова?! – окликнула, даже не зная, хочу ли, чтобы он повернулся...

– Надя? А ты где была? Я тебя искал везде, где только можно... Уже и не знал, что думать... – К счастью, на лице Зацепина не было никаких явных повреждений. Значит, не дрался. А если дрался, то без явного энтузиазма со стороны противника.

Подошла к нему, к груди прижалась. Спрятала лицо на плече. Только сейчас поняла, что переживала за него все это время. Просто мысли тревожные прятала за какой-то ерундой.

Вовка, будто сразу понял, что со мной происходит, тут же прижал крепче, обеими руками обнял, поцеловал куда-то в районе макушки...

– Надь, ты что? У тебя все нормально?

– У меня-то да, я за тебя волновалась, дурачок! Откуда я знаю, как вы там будете разговаривать? И чем это все кончится...

Зацепин отлепил меня от себя, внимательно в лицо посмотрел. Так же, как я его в тот момент рассматривала. Он выглядел немного встрепанным и помятым. Но это могло и без посторонней помощи получиться. Не зря же он сидел у барной стойки. Может, думал о чем-то сильно и волосы на

себе ерошил? Тем не менее, я провела по его лицу ладонями, пощупала лоб, челку сквозь пальцы пропустила... Вдруг, что-то не заметила в полутьме?

– Мы только поговорили, Надь. Все взрослые, цивилизованные люди.

– Кхм... – Про Хмелевского, сидевшего рядом, как-то совсем подзабыла. А он, оказывается, все это время сидел рядом и уши грел. – Вы бы, голубки, нашли поспокойнее место для воркования. А то устроили здесь театр юного зрителя.

Я смутилась. Действительно, после того, как наше появление было встречено всей честной компанией, не хватало давать новый повод для шуток. А с другой стороны, что-то совсем уж забыла я про свой основной принцип: если шутят над тобой, смейся со всеми. Желательно, громче всех.

– А тебе завидно, Владислав, что никто не волнуется за твою физиономию? Ну, так ты скажи, я шепну девчонкам. Вдруг, кто-нибудь да пригреет, пожалеет...

Только сейчас до меня дошло, что Хмелевский, как приехал один, так все это время и проводил без пары. Значит, про Тулу и свой самовар хорохорился. Не так уж и успешен этот мажорчик, как хотел бы казаться.

– А я самостоятельный, Игнатьева. Как-нибудь сам разберусь со своими проблемами. Ты будешь последней, кого о помощи попрошу.

– Слушайте, может быть, хватит уже цапаться? – Вова не выдержал, вмешался. Наверное, заметил, как у меня загора-

ются глаза, в предвкушении, что сейчас выдам Хмелю очередную гадость. У того, надо сказать, тоже появился нехороший прищур. – Влад, мы же с тобой договорились обо всем, кажется.

– А о чем вы договорились, если не секрет? Чтобы я знала, к чему быть готовой?

– Пусть тебе твой милый об этом и рассказывает. А я пойду, сил больше нет смотреть на ваши обжимания. – Хмель соскочил со стула, забрал со стойки телефон и достал кошелек. – Рассчитай нас, друг. У вас я, смотрю, прошлый век? Оплата только наличными?

– Терминал есть, да только связь в этом углу хромает... Если хотите зависнуть здесь на полчаса, то я его достану, конечно... – Бармен полез под стойку с извиняющейся улыбкой.

– Да ладно, не парься. Ты с этим терминалом чаевых никогда не заработаешь. Держи, сдачи не надо. – Хмель положил купюру под чек. – Вов, я за нас обоих расплатился. Ты ничего не должен.

Мы проводили взглядом спину удаляющегося Хмелевского. Так и стояли, плотно прижавшись друг к другу.

– Так о чем у вас был разговор, все-таки? К каким неожиданностям теперь готовиться?

– Неожиданностей больше не будет, Надь. – Вова повел меня тоже подальше от бара. – Хмель перестанет тебя цеплять, и больше не скажет в твой адрес ничего неприятного.

Он мне пообещал.

– И эту договоренность вы сейчас скрепляли... Чем скрепляли-то, кстати? – Я не очень хорошо разбиралась в правилах питья крепкого спиртного, поэтому определить напиток по стаканам не могла.

– Да вискаря по сто грамм накатили. Фигня.

– Ну, наверное, фигня. Тебе лучше знать свою меру. Но неужели так серьезно разговаривали, что без этого никак не обошлось? – мне было любопытно. Очень. Ну, правда, когда еще в жизни такое случится, что мужчины о чем-то из-за тебя договариваются, а потом пьют? Пусть и немного, но все же?

– Ну, ты же Влада знаешь. Упирается рогом, считает, что он правее всех правых. И попробуй доказать его левизну... Пришлось уговаривать, шантажировать, угрожать...

– Да ладно? И чем же ты ему угрожал, если не секрет? – мое настроение с каждой минутой повышалось. Просто потому, что было приятно. И потому, что Зацепин остался целым и невредимым.

– Ничем, Надюш. Это просто выражение такое. – Вовка снисходительно улыбнулся.

– Блин, Вов! Ну, мне же интересно! Как можно Хмеля в чем-то убедить? Мне кажется, он непробиваемый по жизни.

– Вот видишь, а я справился! Цени, какой у тебя целеустремленный мужчина! – Он улыбался довольно, уже во все свои тридцать два белоснежных зуба.

– Ценю, очень ценю, Вов! – и я была в тот момент искренна. – Только этот мужчина мне ничего никогда не рассказывает. Вечно отделяется отговорками...

– Слушай, ну, я же не расспрашиваю, о чем вы там с Анькой болтали, когда ты утром сбежала от меня?

– Нет. Еще не хватало...

– Вот и тебе совершенно не нужны подробности мужских разговоров.

– А если я тебе, все-таки, расскажу все подробности нашей болтовни? – поняла, что ничего не добьюсь от него, но должна была, хотя бы попробовать.

– Уволь! Пожалуйста! Мне и так, порой, снятся кошмары, а тут еще ты добавишь поводов...

Он рассмеялся заразительно. Так, что пришлось подхватить. Зацепин очень хорошо смеялся, пусть и редко. Но он тут же посмурнел.

– Что такое, Вов?

– Единственное, чего не смог от Хмеля добиться, так это извинений.

– Каких?

– Перед тобой, Надюш, перед тобой...

– За что?

– Он назвал тебя деревенщиной. Это неприятно.

– Ну, я до этого сказала, что он липнет, как банный лист к заднице. Так что, все на равных и по-честному. Не парься.

Меня точил совсем другой вопрос, на фоне которого

обзыватьство казалось мелочью. Интересно, про то, что Хмель полез ко мне целоваться, они совсем уж начисто забыли? Или просто сделали вид, что не было ничего такого?

Но тюкать Вовку по темечку этим вопросом, что твоя птица дятел по столбу, мне уже не хотелось. Тем более, что и немного моей вины в том поцелуе было. Лучше забыть и больше не вспоминать никогда.

Эх, если бы все всегда получалось так, как задумано...

Глава 16

– Надь, там сейчас дискотека начнется! Пойдем? Ну, пойдем, а? – это Малинина, как черт из табакерки, выскочила. Вцепилась в руку и потянула за собой, как ребенок, которому очень хочется на аттракционы, а мама сопротивляется. А я не мама, вообще-то, и сопротивляться не собиралась.

– А где тут может быть дискотека-то, Ань? И вообще, вы же, вроде бы, в баню собирались с девчонками? Как-то не сильно ты похожа на человека из парной...

– Вот по дороге в сауну мы и нашли это место. У них оно танцевальным залом называется. Здесь недалеко, и есть крытый переход. Даже одеваться не надо! Пойдем, Надь, а?

Я с сомнением посмотрела сначала на свой наряд: джинсы и свитер – не самое подходящее снаряжение для танцев. Потом, с еще большим сомнением, на Вову. Он молча смотрел на нас и никак не реагировал на разговор.

А мне танцевать хотелось. Очень. Просто до безобразия захотелось. Но, вроде бы, я с Зацепиным сюда пришла, и было бы не совсем правильным тащить Вовку туда, куда он не очень-то и хочет, судя по выражению лица.

– Без Нади никак не обойдетесь, Ань? – все-таки, он решил сказать свое веское слово. Лучше бы, на самом деле, молчал. Что это за попытки установить патриархат в доме? Тем более, что и дома-то у нас еще не намечалось.

– Вова. Надя танцевать обожает. Если ты не знаешь об этом, сам виноват. И если привез девушку отдыхать и развлекаться, то не мешай ей это делать по полной программе. – Малинина лучше всех знала об этой моей слабости. Мы редко, но метко выбирались с ней куда-нибудь в клуб. Как правило, по каким-нибудь халявным билетам, что раздавали в универе добрые самаритяне. И уж если выберемся, то оставались там до самого утра. До первых автобусов, если быть точнее. И почти все это время проводили на ногах, присаживаясь только для передышки и попить чего-нибудь холоденького.

– Надюш, так ты, действительно, хочешь пойти туда? – Вовка понял, что его в чем-то успели обвинить, и предпочел не нарываться дальше.

– Да. Сто лет уже не отрывалась на танцполе. Очень хочу. Пойдем, Вов?

– Ну, как бы тебе сказать... Я не фанат таких развлечений. Но если ты хочешь, то пойдем. Найду уж, чем там заняться...

Я на радостях повисла у него на шее. И даже поцеловала. Крепко, по-настоящему.

– Ого. Вот, оказывается, какую силу имеет женская благодарность... А я ведь ничего особенного не делал... – Зацепин был явно рад моему такому порыву. Неудивительно: раньше я крайне редко проявляла инициативу. А чтобы уж так явно... Наверное, никогда.

– Запомни и повторяй этот прием почаще, – Малинина

назидательно потрясла перед его носом пальцем, – глядишь, и почаще такие радости будут перепадать.

И потащила нас обоих в направлении, только ей одной известном. Нам с Зацепиным оставалось лишь быстро перебираться ногами.

Эта турбаза не переставала меня удивлять своими скрытыми достоинствами: в небольших по виду домиках, не очень-то и приглядных, больше похожих на избы, внутри скрывались внушительные пространства, очень современно организованные, способные конкурировать с лучшими городскими заведениями. Ну, может быть, не самыми лучшими, а с теми, где мне удавалось изредка побывать.

И этот «танцевальный зал» был достаточно просторным, позволявшим вместить в себя и танцпол, и небольшую сцену, и столы по периметру. Народу там собралось предостаточно, явно, не только наша компания веселилась. Все свободные столы уже были заняты, но Анька не растерялась: быстренько высмотрела наших сотоварищей и, не спрашивая, к ним же и приземлилась. Нас рядом с собой усадила, естественно.

Мне, в общем-то, было безразлично, кто за тем столом сидел: общаться с ними в планы уже не входило. Надо было где-то оставить Вовку, а самим пускаться в пляс. Кровь, до этого разогретая шампанским, а теперь взбудораженная музыкой, бурлила, так, что мне просто не терпелось присоединиться к танцующим. А там – позабыть обо всем на свете.

Танцевать я любила, люблю и буду любить, наверное, до последнего толчка пульса. Не знаю, как это выглядит со стороны, насколько модно и современно я двигаюсь, насколько уместна среди других... Мое тело живет своей жизнью, а голова отключается. Следит лишь за тем, чтобы ни на кого не наступить и ни в кого не врезаться. Физически устаю неизменно, так, что потом дня два хожу, как деревянная. Зато моральный отдых – лучший из всех возможных вариантов.

Зацепин остался среди однокурсников, и замечательно, что не пришлось переживать о его гордом страдающем одиночестве. Кажется, даже нашел, о чем с ними поговорить. Я лишь мельком оглядела присутствующих, радостно отметила, что Хмеля нет среди них, и ускакала под руку с Анькой. Не знаю, чем мне мог помешать Влад в тот момент, но отчего-то, совсем не хотелось, чтобы он видел, как я танцую. А потом отпускал какие-нибудь гадости очередные. Как бы Вовка ни был уверен, что он Хмеля убедил не приставать с колкостями, я в этом очень сильно сомневалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.